

ПЁТР МАНАННИКОВ

ТРОПИНКАМИ ДЕТСТВА

рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)2 кр
М 230

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Бурятия в рамках
Государственной программы Республики Бурятия
«Культура Бурятии»*

Мананников, П.В.

М230 Тропинками детства. Рассказы. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2015. – 80. с.: ил.

«Тропинками детства» – третий сборник рассказов Петра Мананникова. В книгу вошли самые лучшие произведения, написанные им в разные годы для детей. В 2014 году рассказы «Семейские посиделки», «Русская печка», «Огород», «Парник», «Сережкины санки», «Водяной», «Леший» и «Домовой» были единодушно признаны членами жюри победителями литературного конкурса «Родное слово», посвященного 190-летию великого русского писателя и педагога К. Д. Ушинского.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)2 кр

ISBN 978-5-91407-133-9

© Мананников Пётр Васильевич, 2015

ТРОПИНКАМИ ДЕТСТВА

Закончилась рабочая неделя. Наконец вырвался из Улан-Удэ. Дорога на родину долгая и длинная. Проехали пригород, поселок Медведчиково. Позади пыльный карьер. Автобус карабкается на крутую гору. Двигатель греется, теряет мощность. Еще пару сотен метров – и мы увидим Вахмистрово. Со всей очевидностью, деревня названа в честь лихого рубаки, служившего в чине вахмистра казачьих войск. Место приметное, богатое рыбой. Селенга здесь глубокая и быстрая. Несёт стремительные воды к Байкалу. Бежит наперегонки с синими облаками, отражение которых тает на зеркальной глади воды. Промелькнул за окошками автобуса последний двор. Расстаюсь с первым хозяином деревни, мысленно кричу: «Прощай, унтер-офицер. Что ж, братец, видно, такая у тебя была невзгода написана на роду – поселиться и служить в диком крае...»

А путь сибирский нелёгкий и дальний, спешим проехать мимо Вознесеновки. Вот и скорый поезд «Улан-Батор-Москва» нам навстречу попался, пытается наверстать потерянное время, но, я думаю, вряд ли он, перегруженный... китайскими товарами, успеет вовремя прибыть на станцию Улан-Удэ. Пытаюсь забыться. Закрываю глаза. Неспкойные мысли сменяются легкой дрёмой. Скоро Саратовка, Сибирь, потом Солонцы, Шалуты, Кардон (Кордон)... Все смешалось и вновь возродилось в русском языке. Название городов, деревень, имен, фамилий...

Нет, я не оговорился, «великий и могучий» тем и силён, что легко переплавит и тонко откует любое новое слово, которое его и обогатит. Возможно, вы не найдёте новое словцо ни в одном официальном словаре, но у простых россиян это легко получается. Чем они и сильны в этом мире, сильны лёгкостью общения с человеком из любого народа и любой расы. А уж точно подметить и дать кличку другу или соседу в нашем селе могли запросто. Все мы, тарбагатайцы, потомки: Ивана – Точилы, Ивана – Свечи, Ивана – Китайца. И моего отца в Тарбагатае звали Василий – Печник.

Задумался о родной деревне и земляках, не заметил смены картины за окном автобуса. Вот и Саратовка, старообрядческое село. Дивные дома стоят вдоль дороги. Выстроились ровно, словно по натяну-

той струнке. Срубленные простым топором охлупни крыш прямые и гладкие, как мушки прицелов русских пищалей. Усадьбы ухоженные. Сразу видно, что живут здесь люди трудолюбивые и опрятные. Незаметно автобус перебрался через железнодорожный путь. Позади расписная Саратовка, впереди угрюмая Сибирь. Название деревни ёмкое и суровое. Некогда перевезённые сюда новые дома крестьян из Куйтуна почти не изменились. Вижу тучное деревенское стадо. Более века сельчане занимаются огородничеством, скотоводством и рыболовством. Пашут землю в полях и огородах, ладят дома и стайки, смолот лодки и баркасы.

Проехали Сибирь. Впереди железнодорожная станция Шалуты. За линией Солонцы. Вижу крепкие дома. На пологом берегу Селенги рыбацкие лодки. Статные бабы полощут в проточной воде сарафаны и рубашки. Бойкая молодуха отжала мокрые подштанники мужа и бросила в таз с бельём. Возвращается домой. Идет в цветастом сарафане по длинному огороду и громко поёт любовную частушку:

Полоскала я платочек,
Полоскала – вешала.

Не любила я милóго,
Лишь словами тешила.

Вслед за громкой певуньей потянулись бабы с большими тазамистираного белья. Они хитро переглянулись. Быстро подхватили весёлый мотив и озорно запели:

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла...

В салоне раздался дружный хохот пассажиров. Водитель остановил автобус. Схватился за живот. Из-за громкого смеха народа последнюю строчку весёлого куплета я не расслышал, но догадался о причине страданий бойких певуний. Наконец деревенские прачки разошлись по дворам. В нашем салоне все успокоились. Водитель завёл двигатель. Поехали. Промелькнули за железнодорожной насыпью дворы и огороды Солонцов.

Завернули на станцию Шалуты. На третьей ветке натужно работал маневровый локомотив. Сказать о Шалутах нечего. Разрезала стальная дорога веселую деревню пополам, как острый нож малиновый пирог. Слева вижу железобетонный элеватор на фоне солнца, торчащий как заноза в чистом глазу... и некому вырвать. А солнце катится на запад, и элеватору его не остановить, а нам его не обогнать. Ещё немного и будет Кардон (Кордон). В давние царские времена здесь находился пересыльный пункт. Денно и ночью гнали через Кардон (Кордон) аре-

стантов. Так и слышится над быстрой Селенгой грустный звон кандалов и унылая песня каторжан:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль...

Пассажиры притихли. На сердце раздумье легло... о печальной участи каторжан, о великом подвиге неизвестных строителей железнодорожного моста через Селенгу, крепко связавшего Сибирь, Монголию и Китай.

А автобус катится на быстрых колёсах вдоль берега реки. С одной стороны его поджигает темная вода, а с другой – отвесные сопки.

Вот и Омулёвка – сакральная гора.

Любой проезжающий мимо человек сразу видит каменного льва. Хранитель времени многие тысячи лет лежит у берега Селенги и угрюмо смотрит на текущую воду. А вода, как вечность, течёт и течёт, и нет ей конца и края. Сколько лет я не был на родине? Сколько воды в Селенге утекло? Почти полвека. Водитель включил пониженную скорость. Ещё пару плавных зигзагов – и увижу родное село.

Тар-ба-га-тай... – поёт душа, и дорогое сердцу слово отдаётся долгим эхом колокольного звона. Почти всю жизнь живу в Улан-Удэ, а стремлюсь сюда, на малую родину. Родители рано увезли меня в город. Не успел маленький мальчик вволю набегаться по широким улицам семейского села. Побродить по хлебным полям и вольным лугам. Надышаться сладким духом островной черёмухи, пряным настоем заливных лугов и терпким ароматом соснового леса.

Автобус быстро спустился с горы, словно бурый медвежонок вкатился в большое село с расписными домами и остановился на Партизанской. Земляки схватили узлы и сумки. Разошлись по длинным улицам и проулкам. Вслед за ними пошёл и я.

Иду и слышу далёкий бой отцовского молотка на наковальне, тихий скрип колодезного журавля в огороде... и нежный голос матери, поющей мне колыбельную. Всё это было давным-давно, в моём детстве. Мысли прервались. Вот и отцовский дом. Не помню, когда его продали родители и купили новый, побольше и побогаче. Но в этом маленьком доме с резными наличниками родила меня мать. Два окошка смотрят на улицу. Конёк на кровле вздыбился и готов прыгнуть в голубое небо, но старая крыша крепко ухватила за прыткие копытца и не отпускает сорванца. Резное крыльцо зашевелило гладкими ступеньками из старых досок. Радует приходу долгожданного гостя. Кричит, как малый ребенок: «Заходи, заходи, пока тебя никто не видит, посиди на ступеньках, поиграй с Муркой, попрыгай по широким плахам, как в далёком детстве...». Понимаю, что Мурки нет, но бегают по пыльным крышам тарбагатайских амбаров её потомство. Теплыми мартовскими вечерами поют пра-пра...внуки чёрной кошки арии любви и страсти, не дают старикам на полатах спать.

Увидел дом, увидел себя прежнего, маленького озорника. Смущаюсь и отвожу взгляд от босоногого шалуна в белой майке и чёрных шароварах...

Кто-то заметил меня. Тронул нежно за плечо. Оглянулся. Налетел весёлый ветер. Машет рукавами сквозистой рубашки. Распах-

нул передо мной сонную калитку крашеного палисада. Обрадовался шумный пустомеля, громко свистнул и закричал: «Заходи, я давно не играл с тобой в пятнашки. Смотрю, подрос, отяжелел, теперь у меня есть шанс догнать и перегнать тебя...».

Снова смущаюсь. Решил не ступать на порог, уйти. С почтением кивнул родительскому дому, давним приятелям детства: старому коньку на крыше, смеющемуся крыльцу, пробудившемуся палисаднику, озорному ветру – и ухожу, ухожу в гости ко второму дому, на другом конце Партизанской улицы.

Весеннее солнце ведёт по знакомой сторонке. Тысяча шагов до иных, дорогих сердцу ворот. Мимо теремов Чебуниных, Банновых, Ефимовых, Медведевых, Орловых, Гордеевых, Борисовых, Трифоновых, Калашниковых, Власовых, Думновых, Курдюковых, Минаевых, Федотовых...

Иду и слышу звонкие голоса сельчан в деревенских огородах, шорох цепких граблей, скрип железных лопат и плеск воды из носатых леек. Черёмуховый край кипит белым цветом. На влажных берегах и в тенистых садах колышутся кисти черёмухи, пьянят меня весенним настоем, манят под каждый куст. Труженицы пчёлы собирают пыльцу. Торопятся. Ещё пару дней – и весь цвет опадёт. Так и хочется сесть в прохладе живых ветвей и слушать звонкий хоровод моих земляков.

Быстро притомился. Не привык от долгой жизни в душном городе к быстрым переходам. Расстелил газету на зелёной траве и сел у берега Тарбагатайки. Смотрю на течение реки. Давние воспоминания возвращают меня в беспечное детство. Слышу голос матери, но матери нет, и отец ушел вслед за ней. Осталась нежная память о родителях и позднее признание, признание в сыновней любви.

РАССТАВАНИЕ

❧ олодное декабрьское утро 1966 года...

❧ Мне было семь лет. Я проснулся в старом деревенском доме в Тарбагатае на Партизанской улице. Соскочил с кровати, пробежал босиком по крашеному полу и прильнул к оконному стеклу. На крышах домов лежал снег. Родители с утра хлопотали во дворе. Со стороны центральных ремонтных мастерских вот-вот должна была подъехать грузовая машина. Наконец автомобиль остановился у ворот. Провожать нашу семью сбежались все соседи. Вместе с сестрами, братом и родителями мы уезжали в город. Старый теплый дом-пятистенок в Тарбагатае, рубленный из круглого леса, был продан. Родители купили дом в Улан-Удэ, на Мелькомбинате. Было грустно покидать родную деревню, но и крайне интересно увидеть незнакомый город. После погрузки небогатого скарба родители сели в кабину грузовика. В старой цигейковой шубке, кроличьей шапке и валенках я разместился между матерью и отцом.

Провожая нас, на зимнем ветру, стояли бабушка Матрена, дядя Ваня и тетя Маша Ефимовы, тетя Саня Медведева, дядя Ерас и тетя Валя Калашниковы, дядя Миша Михеев, Федотовы, Рудышкины, старики Трифионовы. Мои друзья – Сашка и Пашка Калашниковы, Витька и Сашка Михеевы, Курдюков Васька... и двоюродный брат, Ефимов Сережка.

Водитель грузовика нажал на педаль «газа». Машина тихо тронулась с места, соседи и друзья замахали руками..., а я заплакал. Выехали за околицу. Старый грузовик, груженный мебелью, медленно поднимался в гору. Дядя Вася Медведев крепко держал баранку и внимательно смотрел на дорогу. Омулевая гора не хотела отпускать нас из Тарбагатая. Машина с трудом карабкалась на крутизну. Взволнованный грустным событием я быстро устал и крепко заснул на плече у отца. Во сне летал по небу. Смотрел на огни в домах родной деревни, на журавли колодцев, на Омулевую гору – каменного Льва, лежащего у берега Селенги...

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

Пролетела первая неделя новой жизни в Улан-Удэ. Здесь все было по-иному. Снежных гор, с каких ребята катались в Тарбагатае, я в городе не нашел. Местные ребята катались с «катушек». Льда, как на деревенской речке, в городе не было. Для детей микрорайона из пожарных шлангов залили ледяной каток, огороженный низким забором из досок.

Новогодняя ёлка была ненастоящая. На детской площадке стояла наряженная в гирлянды из электрических лампочек сосна. Напротив нашего дома городские ребята играли в хоккей и весело катались на коньках и санках.

Я стоял у окна и вспоминал деревенскую речку. Тарбагатайка зимой полностью не замерзала. Подо льдом кипели ключи. Местами, взломав лед, кристально чистая вода растекалась и заливала черемуховые сады и огороды. Темные стволы деревьев стояли в толще замерзшего льда. На ветках лежал искрящийся иней. При холодном порыве ветра он осыпался на землю. Иногда кто-нибудь из ребят встряхивал белоснежные ветки. Холодный иней, искрясь, падал на лица, за воротники, в валенки, вызывая у ребят взрывы азартного смеха.

Но главной забавой деревенских ребят было катание на салазках. Самые простые сани мастерились из дерева. Их готовили с весны. Гладкие полозья мужики аккуратно гнули из запаренных в бане брусьев березы. Все детали крепили сыромятиной или молодой лозой из тальника. Березовые полозья легко скользили по глубокому снегу. Но такие сани были не долговечны, дальше снежного трамплина на них не уедешь. Особенным шиком считались сани, кованные в кузнице. Поверх полозьев они имели две железные стойки с крепкими дощечками. Металла вокруг кузницы было в избытке. С наступлением зимы новые сани появлялись в каждом крестьянском дворе. На железных санях ребята катались и с гор, и по льду замершей речки. В Рождество зимние игры на реке прекращались. Морозы сковывали льдом реку. Кипящие ключи вытекали из трещин. Ночью на реке стоял гул ломающегося льда. Ледяной потоп угрожал части сельских улиц. Из города приезжали взрывники геологической партии, освобождать ото льда замерзшее русло. Это было большое событие в жизни села. Народ

толпами собирался на берегу реки. Вверх по течению, на ледяных заторах, геологи бурили шурфы и закладывали взрывчатку, похожую на куски хозяйственного мыла. Затем они уходили подальше от реки. Раздавался страшный звуковой сигнал «воздушной тревоги». Женщины и дети разбегались по домам.

Я первым бежал домой. Быстро забирался с братом на чердак и с большим волнением смотрел в сторону закатуса. Через пять минут взрывались торосы. Над рекой взлетали фонтаны льда. Мощные толчки встряхивали землю. Дрожали стены и крыши деревенских домов. Дребезжали стекла в рамах. Во дворах лаяли цепные псы и мычали коровы. Мелкие куски льда падали и в сады и огороды. После взрыва ледяного затора ребята собирались у дома Васьки Курдюкова и с неопределимым интересом подражали звукам ледяных взрывов.

Но самым главным зимним событием был Новогодний бал. Прошлой зимой в районном Доме культуры поставили большую пушистую ёлку. Украсили её стеклянными шарами и игрушками. Помню, как я в первый раз пошел на «Ёлку». Накануне праздника старшие сестры заставили меня учить стишок из букваря. Времени запомнить стих мне не хватило.

На Новогодней ёлке Дед Мороз увидел меня.

– Петя, расскажи нам стих... – сказал он.

Ребята обрадовались доброму дедушке, а я... растерялся. Затянувшуюся паузу прервал баянист. Он предложил мне сплясать «русскую плясовую». Баянист сыграл пару раз мелодию припева народной песни «Валенки». А я бросился впрыска у Новогодней ёлки. Плясал и удивлялся, потому что увидел, у Дедушки Мороза отцовские валенки и белую бороду из медицинской ваты.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В городе наступило Рождество. Ночью ударил мороз. Утром в каменном доме стало прохладно и неуютно.

Мать пришла из хлебного магазина и растопила печь. Я помыл лицо и прибежал на кухню. Сел пить чай с городскими баранками. За пять минут смёл со стола: и сдобные, и молочные, и с маком.

Мама взгрустнула и вспомнила деревенскую пекарню. Там она пекла хлеб. Старая пекарня находилась за камушками, на другом конце деревни. Иногда мама работала днем, в первую смену, а иногда и до ночи – во вторую.

В тот год мне исполнилось шесть лет. Отец с сестрами выкопали в поле картошку и положили её на хранение в подполье.

Я прибежал с улицы и сел на табуретку у кухонного окна. Ждал, когда отец закончит все дела по хозяйству и пойдет в хлебопекарню встречать мать. Она работала во вторую смену.

Ближе к полуночи мы с отцом вышли на темную улицу и свернули к мосту. Ветерок стих. Я услышал плеск воды. Внизу бежала студеная речка. Отец поднял меня на руки и перешел мост. Вдали показались огни пекарни.

Старый сторож детей в пекарню не пускал. Отец ушел в тестомесильный цех, а я остался в сторожке пить сладкий чай с румяным хлебом. Веселый дядя Федя был очень добрым человеком. Он смотрел на гостя и приговаривал:

– Ешь, Петька, ешь калачи и шаньги...

Вскоре рабочая смена закончилась. За мной зашли родители. Дядя Федя проводил нас до порога, попрощался с родителями, а в конце добавил:

– Легкой вам дороги и спокойной ночи...

Погода этой ночью резко изменилась. Сильный ветер нагнал на небо черные тучи, и стало совсем темно. Работницы пекарни подошли к реке.

Неожиданно за мостом они увидели горбатую старушку с седыми волосами, опирающуюся на черную палку.

Она медленно шла навстречу людям. Я не разглядел лица сухонькой бабушки, но увидел лунный свет на рукавах её дошки. Старая женщина тихо брела. Никто не слышал её шагов, как будто она не сту-

пала по земле. Работницы пекарни остановились и остолебенели. Возможно, старушка увидела людей. Она сбежала к реке, взвизгнула как поросенок и исчезла под мостом.

Женщины закричали:

– Караул!!! Ведьма!!! Нечистая сила!!!

Схватив крепко сетки с хлебом, бабы бросились через мост и разбежались по домам.

Мои родители замерли на месте. Мать прочитала молитву. Все утихло. Старой женщины не было видно. Только быстрая речка перекатывалась на черных камнях.

К утру по всей деревне расползлись ночные слухи. Старушки неистово молились. Ближе к обеду деревенские ребята собрались у моста. Следов сапог ночной старухи они не нашли.

Это невероятное событие произошло в деревне в прошлом году, а в городе наступил новый день и меня ожидали другие истории.

ВОДЯНОЙ

В городском доме не было водопровода. Отец приносил воду из водоколонки. Когда я впервые увидел черную чугунную ручку и гнутый отвод железной трубы, вспомнил о деревенском колодце.

Каждое утро моя мама ходила по воду. Меня она к колодцу не подпускала, а для острастки говорила:

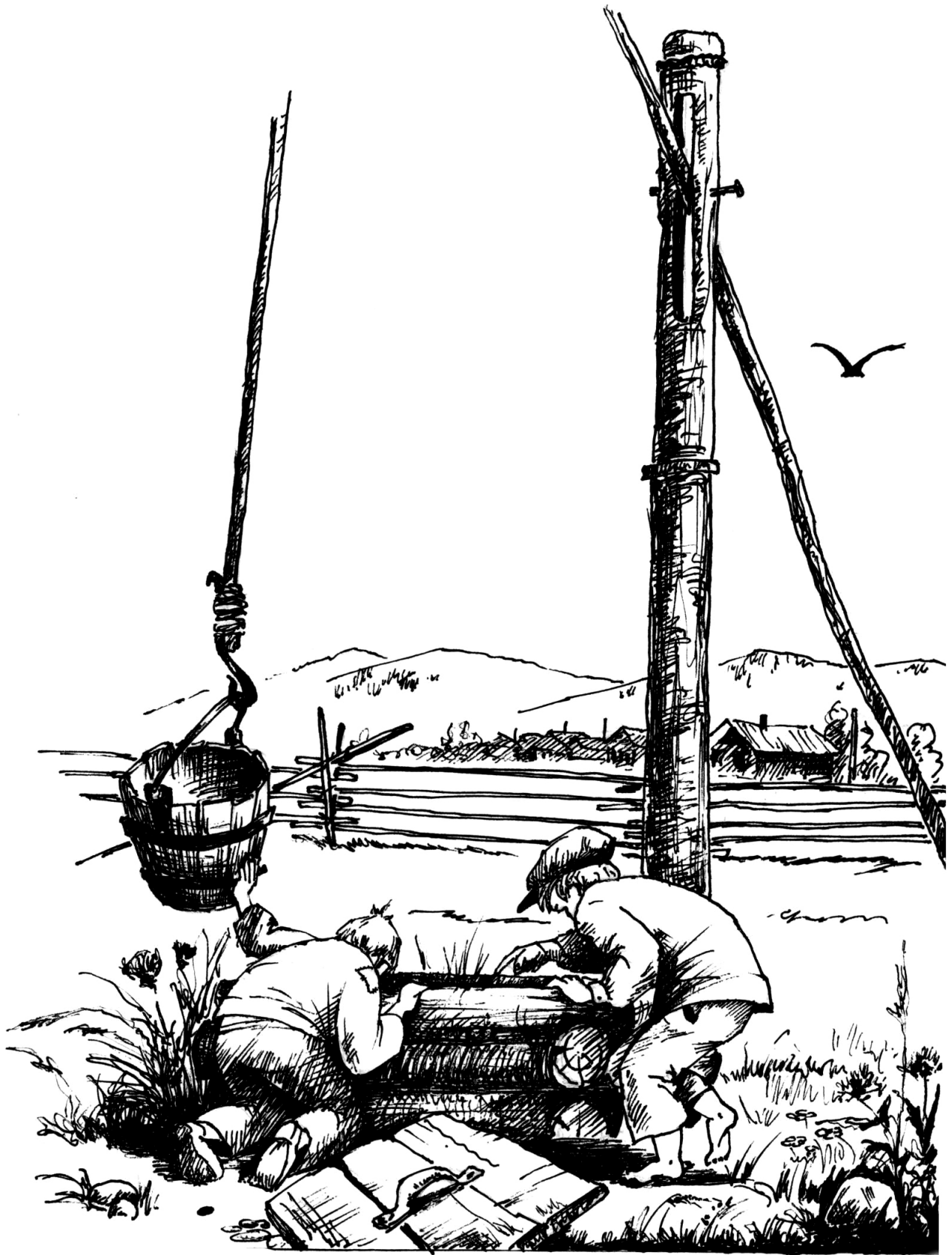
– Петька, не подходи к колодцу, а не то водяной схватит и утащит к себе на дно...

Но однажды я не послушался мамы. Вместе с двоюродным братом Сережкой мы заглянули в колодец дяди Гриши и увидели водяного.

Все ребята знали, что в сказках водяной весь зеленый и покрыт тиной. А в колодце дяди Гриши мы увидели старца с белой бородой, одетого в полотняную рубаху. В одной руке он держал серебряное ведро с ключевой водой, а в другой – золотой ковш.

Блеск ковша ослепил нас. Мы разом отбежали от колодезного сруба. Крышка его закрылась, а ветер стал раскачивать ведро на жерди журавля. Примчались домой к двоюродному брату. Попили чай, а бабушка Матрена рассказала нам, как однажды водяного рассердили:

– В незапамятный год пришла к колодцу неряшливая хозяйка и стала поить козу прямо из ведра. Осерчал водяной, вытолкнул жердь журавля с ведром из колодца так, что оторвалось оно и полетело за гумно. А нерадивую бабу облил холодной водой с головы до ног. Не любит тарбагатайский водяной, когда к колодцу приходят с хозяйственными ведрами, корытами для живности, да с тазами белья из бани. Не дает он чистой воды в такую посуду.

ЛЕШИЙ

Долгими зимними вечерами я часто сидел возле городской печки и вспоминал летние походы в лес.

Однажды мы с двоюродным с братом Серегой, с дядей Мишей и дядей Ваней все лето жили в лесу. Взрослые заготавливали дрова для школы, а мы собирали ягоды и грибы. В первый же день лесорубы расположились табором в сосновом бору. Сварили бараний бульон, поужинали, и сели у костра слушать звуки леса.

Вскоре вовсе потемнело.

Кто-то невидимый стал ходить вокруг лагеря. Он, то наступал на сухие ветки, то шевелил стволы берез, то шумел в иголках сосен, а то стучал барабанной дробью по дереву.

Дядя Ваня встал и обратился к хозяину леса:

– Хозяин, хозяин, дай нам ночь ночевать, а не век вековать.

Леший его услышал и успокоился. Костер догорел, а мы расстелили овечью шубу и легли спать на деревянных нарах в автомобильной будке.

Ночь была спокойной. Хозяин леса не тревожил. Зря мы с Сережкой волновались и смотрели в маленькое окно. Леший к табору не подошел.

Проснулись с братом рано, помыли лицо и руки холодной водой. Поели пшенной каши, попили чай со смородиной. Взрослые пошли валить лес, а мы взяли котелки и отправились собирать душистую землянику.

В темном распадке стоял туман. Высоченные сосны закрывали солнечный свет. На листьях травы сверкали капли росы. Земляники не было видно. Я посмотрел на Сережку и сказал:

– Давай, у лешего землянику попросим...

– Давай.., – согласился брат.

И мы громко закричали:

– Леший, леший, дай нам земляники спелой...

Долгое эхо раскатилось по лесу, а мы притихли. Взошло солнце. Трава приподнялась, роса упала на землю, а серый туман уполз за каменный хребет. В лесу стало тихо, в дальнем распадке журчал ручей. Вот в этот-то момент мы и увидели лешего. Борода изо мха, нос сучком, глаза красные, словно ягоды клюквы горят. В волосах сосновые шишки. Лесной старичок был одет в красный кафтан шиворот на выворот. Из-под коротких рукавов выглядывали суковатые руки, покрытые

тонкой сосновой корой. Ноги-ходули обуты в ичиги из бересты, левый на правый, а правый на левый. В его заплечной суме стояли туески с ягодами, грибами, кореньями, кедровыми орехами.

Ещё мы заметили, что леший света солнца боялся, прятался в тени деревьев и кустов. После долгой бессонной ночи он шмыгнул под лиственницу и лег спать под трухлявой колодой, а мы с братом пошли собирать землянику.

Обычно все деревенские охотники и ягодники говорят, если кто-то приходит и начинает бегать и шуметь в лесу, леший просыпается и уводит того в глушь таежной чащи. А там кричи, не кричи, никто тебя не услышит.

ДОМОВОЙ

Если самый главный в лесу – леший, то в доме хозяин – домовой: сухонький бородатый старичок ростом до моего колена, одетый в длинную рубашку и штаны из мешковины. На ногах у него льняные портянки и обут он в березовые лапти. Взрослые его в нашей деревне не замечали. Но я знал, что он ночью тихо спит за печкой, а днем бегают под столом и табуретками. Только до красного угла с иконами он не ходок. А так с ребятами и кошками весь день играет. В нашем доме он жил в старых валенках за печкой. Там же стояла широкая лавка с кадкой для теста и большая стеклянная бутылка для браги.

Если дома хорошо топили печь и пекли пироги, сытый домовый забирался в теплый валенок и тихо посапывал там. Но стоило вовремя не растопить печь, он выбирался из валенка и начинал бегать по дому. При этом он приговаривал:

– Принесите дрова, топите печь, варите щи, пеките хлеб и пироги.

Я надевал шапку, полушубок и валенки. Бежал во двор за дровами и нес их к печи. Мать радовалась и делилась с подругами, что её сын хороший помощник, без напоминания дрова носит. Как только она растапливала печь и самовар, домовый весело хлопал в ладошки. Садился на лавку у кадочки с тестом и ждал когда спекут первый каравай хлеба или пирог.

Выложит мать испеченный каравай на чистое полотенце, вдохнет домовый запах свежего хлеба и убежит за печку, спать в старом валенке.

ДВОР

В семейской деревне все дома добротные, срублены из толстых бревен. Наличники на окнах резные, а ставни расписные. Одно загляденье. И у каждого дома есть двор, обнесенный высоким заплотом.

Выходя из дома, я сразу же бежал на задворки. Там отдыхали сытые свиньи. Откормленные и ленивые они довольно похрюкивали под лучами летнего солнца. А я тихо крался к ним. Свиньи видели озорного мальчика, но были настолько ленивы, что не вставали с лёжки и не убегали от деревенского шалуна. Я легко и быстро запрыгивал на спину самой жирной свиньи, а она с визгом вскакивала и стремительно неслась по двору.

В этот момент главное – подольше удержаться на свинье. Не свалиться и вовремя спрыгнуть на чистую землю, а не в грязную лужу. Иначе мать отправит мыть сапоги. Кататься на свиньях было весело, но хлопотно. Больно много визга они на весь двор поднимали. Прокашись разок верхом на свинье и убежишь к козлятнику. Раньше это был старый амбар.

Как-то вечером мы со старшим братом ходили закрывать коз на ночь, а Вовка напугал меня:

– Наш амбар полон чертей... – сказал он.

Я испугался рогатых «чертей» и дал большого стрекача. Всполошил в курятнике грозного петуха, сонных кур, белых гусей, и серых уток. Прибежал домой и забрался на печку.

– Какой черт тебя нагнал? – спросила меня мать.

Но первой кормилицей крестьянской семьи была корова. Каждое утро и вечер она давала ведро молока.

Моя мать каждый день три раза кормила и поила Красулю и говорила:

– Молоко у коровы на языке. Как её покормишь, так её и подоишь, столько она даст молока, сливок, сметанки, творожка, сырка и маслица.

Все в деревне старались хорошо пасти своих коров. Рубили из кругляка добротные стойки и просторные сеновалы. Зимой заготавливали в лесу жерди. Весной огораживали сенокосы, поливали их водой из рек или канав. Летом косили траву, сушили сено и ставили зароды.

Все лето коровы паслись вволю. Вечером пастух пригонял стадо в деревню. Каждая хозяйка загодя выходила встречать свою Красулю или Зорьку.

Наверное, никого так не ждали в деревне вечером, как ждали возвращение коров с пастбища.

ОГОРОД

ВТарбагатае, на Партизанской улице, все соседи имели по два огорода. В огородах со стороны реки выращивали зеленую мелочь, а со стороны горы – картошку. На каждом приусадебном участке стояло чучело, наряженное в старую одежду, с дырявым котелком на голове. Оно сторожило грядки и парники.

Но самым главным начальником на огороде был урожай. Правда, приходил он в деревню в конце лета.

С ранней весны на огородах трудились женщины, и я иногда слышал, как материны подруги волновались:

– Ох, девоньки, нынче-то урожай может и не быть. Три дня нет дождя, жара и суховей.

Но наступала осень, и они говорили:

– Урожай-то ноне в огороде богатый.

И я сразу представлял очень тучного и грозного великана в соломенной шляпе, у которого усы свисали с толстых щек зеленым укропом. Вместо носа у него – бордовая куйтунская свекла. Глаза – красные бичурские помидоры. Щеки, как бока у чикойской тыквы. Рубаха на нем зеленая с цветами, как огуречная ботва, а шаровары из золотистой мешковины. Обут он в лапти, плетенные из лыка.

Мне всё казалось, что как только великан входил в огород, воробьи разлетались по заплотам, а чучело огородное снимало дырявый котелок с головы и докладывало своему начальнику:

– Сторожу огород днем и ночью.

А начальник отчитывал сторожа за поклеванную воробьями рассаду, за помятую козами картофельную ботву, за потоптанный свиньями лук.

Но больше всех урожай ждали деревенские ребята. Первый огурец был самым сладким. Возможно, иногда и не воробьи, и не козы, и не свиньи безобразничали в огороде?

Деревенские ребята урожая ждали, а их матери трудились, переживали и готовились к встрече.

Оказывается, если в огороде заведутся засуха, сорняки и тля, урожай можно и не ждать. Поэтому с раннего утра женщины работали на огороде. Пололи грядки, лунки и парники. Носили в ведрах воду

из канавы на коромыслах. Поливали лук-батун, огурцы, помидоры, свеклу, морковь, укроп, чеснок, петрушку и капусту.

Как-то я увидел ладони моей матери, покрытые мелкими трещинками да зеленой растительной краской от прополотых сорняков и ботвы. Вот такие же ладони, подумалось мне, и у дяденьки урожая.

ПАРНИК

Сибирь не Африка, у нас бананы не растут. Но вырастить хрустящие и сочные огурцы тарбагатайские огородники запросто могут. По семь ведер за одно лето с одной лунки снимают. Непростую агрономическую закавыку крестьяне с зимы решают. Готовят впрок свежий навоз, а весной в парник закладывают. Помню, наступила весна. Отец запряг в телегу лошадь. Вывез из стойки сухие коровьи лепешки, соломенную подстилку и в длинный короб без дна заложил. Притопал сапогами, прихлопал лопатой и без пригляда оставил, а ночью теплый ливень прошел. Проснулся я утром, смотрю в огород, а из парника белый «дым» валит. Испугался и закричал:

– Папка, мамка, парник горит!

А в ответ тишь да солнечная гладь потолка и пола, словно ангелы добра и света в наш дом прилетели. Прибежал на кухню, зашел в горницу, заглянул в спальни, отворил чулан – никого нет. Мать в магазин ушла, отец трудился в ремонтных мастерских, старший брат и сестры в школе учились. Посмотрел в окно, а «дым» уже к нашему крыльцу подбирается. Схватил я ведро и побежал в огород тушить коровий навоз.

Ношу из канавы воду, в короб лью, а из парника горячий пар валит, как из поповской бани.

Вскоре пришла мать. Увидела белый пар, потрогала ладонями соломку и обрадовалась:

– Горит навоз. Пора огурцы сеять...

– Да они же, мама, сгорят, – удивился я.

– А ты, Петя, туши. Как всё затушишь – мне скажешь...

Долго я лил воду, но так и не загасил парник.

Поздно вечером отец привез черный перегной из березовой рощи. Утром мать выкопала в навозе ямки. Просеяла через железное решето плодородную землю. Насыпала в лунки. Промочила теплой водой из огородной лейки и посеяла семена куналейских огурцов. Я помог принести рамы и укрыть парник.

Прошла неделя. Появились первые листочки, вслед за ними большие листья и цветы. Через месяц – плоды. Вечером мать поливала огород, а утром собирала огурцы. Вначале их было сто, затем – тысяча, а потом – много. Помню, как мама радостно сорвала самый первый огурец и меня угостила:

– Кушай, кушай, «пожарник», – засмеялась она. – Ты, сынок, молодец, хорошо парник затушил...

ЧЕРЁМУХОВЫЙ САД

Наверное, только в Тарбагатае, в садах на Партизанской улице, растёт самая высокая черемуха. Толстые кусты её выше конька старых хлебных амбаров. Весной она радует белыми душистыми цветами, а летом черными глянцевыми ягодами.

Интересный случай произошёл в черемуховом саду.

В тот августовский вечер мы собрались у самого высокого дерева. Давным-давно на верхушке ствола чёрный ворон свил огромное гнездо. Ворон куда-то улетел. Всю последнюю неделю его не видели.

Ребята решили забраться на дерево и посмотреть жильё чёрной птицы. Первым полез на черемуху Витька Михеев – самый юркий и смелый из деревенских ребят. Я не помнил, чтобы он когда-то трусил. Он быстро добрался до самой вершины и оттуда позвал меня:

– Петька, не бойся, здесь никого нет.

Я медленно карабкался по стволу. Вдруг мне показалось, что в свете взошедшей луны, на ветках черемухи висят не кисти блестящих ягод, а смотрят глаза чёрных воронов.

Кое-как взобрался на дерево. На высоте почувствовал себя неуверенно. Вечерний холодок забрался мне под майку, я покрылся гусиной кожей.

Со стороны Селенги прилетел ворон. Глаза его сверкали. Он тревожно закаркал и начал кружить вокруг гнезда. Поднял шум. Во дворах деревни залаяли собаки.

Ребята испугались ворона и разбежались по домам, а мы с Витькой крепко схватились за верхушку черёмухи. Друг посмотрел вниз и громко крикнул:

– Петька, слезаем, не то ворон нас заклюёт!

Почти спустились с черемухи. Но, внизу, сломалась сухая ветка, и мы с Витькой упали на землю.

Лежим с другом на рыхлом черноземе, а вокруг нас летают чёрные птицы. Глаза у них холодно сверкают и клювы блестят. Соскочили мы с земли, прошмыгнули в дырку в заборе и побежали по домам...

ТАРБАГАТАЙСКАЯ ЧЕРЁМУХА

Тарбагатай – черёмуховый край.

Летом вся деревня выезжала заготавливать ягоды черёмухи на острова Селенги. С островов ягоды внутри зеленоватого оттенка.

А настоящая тарбагатайская черёмуха, что снаружи, что внутри, чёрного цвета, блестит, как глаз у ворона. Её не требуется сушить на противнях в печи, а пироги, пирожки и тарки с этой черёмухой душистые и сладкие.

После сбора чёрные ягоды сушили на печных листах или на чистом плотном брезенте на пологих крышах сараев или крытых сеновалов.

После просушки все ждали замены жерновов на мельнице. Только мельничный помол придаёт черёмухе удивительное свойство «завариваться» или покрывать любую сдобу тёмно-коричневой глазурью.

Помню, как однажды мы с отцом ездили молоть черёмуху.

– Поехали, сынок, сибирский шоколад добывать, – пошутил он и вынес из сеней два тяжелых мешка.

Накануне на мельнице поменяли жернова. Отец привязал два мешка с сушёной черёмухой по бокам рамы велосипеда, а меня посадил на них сверху и покатил на мельницу.

Там выстроилась длинная очередь телег, мотоциклов и велосипедов с корзинами, бочонками и мешками сушёной черёмухи.

Очередь заготовителей радостно обсуждала богатый урожай вкусной ягоды и делилась рецептами приготовления черёмуховых пирожков, пирогов и тарок.

Только потом, зимой, я понял, что она хороша и с сахаром, и со сливочным маслом, и даже с халвой.

Ближе к вечеру отец черёмуху помолол, но сухую сыпучую и ароматную «муку» рассыпал из каждого мешка отдельно.

Помол черёмухи с Партизанской был душистый. Отличался насыщенным чёрно-коричневым цветом. «Островной» же был менее ароматным, с землистым оттенком недозрелых ягод.

Зимой на всех посиделках черёмуху заваривали для ребят, пекли с ней пироги и сдобу как на свадьбы и праздники, так и в поминальные дни.

ОБЛЕПИХА

Не только черемухой славен Тарбагатай, но и облепихой.

Янтарно-желтые ягоды радуют глаз, но собрать её нелегко. Не дается облепиха в руки, защищается от нас колючками. Чего только люди ни придумывают, чтобы собрать её. Натягивают тонкие струнки на рогатки, стелют под кустами зимой брезент и долго трясут ветки, пока все плоды не осыплются. Вкусна и полезна эта ягода.

Как появилась в нашем саду облепиха – никто не помнит. Три колючих куста росли на каменистой земле. Весной они покрывались мелкими невзрачными цветочками и серебристыми узкими листочками, а осенью оранжевыми ягодками.

Однажды мы с ребятами гуляли в саду. Я увидел, как прилетела стая сорок и дружно села на старый сарай. Одна из сорок спрыгнула на ветку облепихи. Птица воровато огляделась и клюнула пару спелых ягод.

То ли ягоды ей не понравились, то ли мы её спугнули дружным криком:

– Кыш-ш-ш!

Но шумные сплетницы недовольно застрекотали и разлетелись в разные стороны.

А потом прилетел удод и сел на наш заплот. Да как начал ягоду клевать.

Мы ему: – Кыш-ш-ш! Кыш-ш-ш!

А он... шиш. Не желает в лес улетать.

Я испугался, что он склюет все янтарные ягоды и побежал домой.

– Мамка, мамка! – закричал я. – Удод облепиху клюет!

Мама услышала мой крик. Вышла на крыльцо и говорит:

– Петя, ты его прогони. Иначе мы без джема, пирогов, киселя и морса останемся.

– Я кричал удоду: «Кыш!», а он... глухой.

– Это легко исправить, – сказала она и принесла из чулана две круглые крышки от старых кастрюль.

Я схватил их и побежал в сад да хлопнул медными крышками так, что удод со страху перья с макушки обронил и улетел на сеновал, а у ребят в ушах зазвенело. Постояли мы с Сашкой и Пашкой Калашниковыми, как военные музыканты крышками побренчали, палками в кастрюли постучали, а вечером по домам разошлись.

На следующее утро мать разбудила меня рано. Я быстро позавтракал. Побежал в сад и на ветки большого куста крышки повесил. Три дня ветер медью в саду громыхал, пока мы весь урожай облепихи не собрали.

СЕМЕЙСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

С раннего утра мать хлопотала по дому. Истопила печь и напекла пироги. Вытащила ухватом из печи горячий чугунок. Аромат топленого молока с кремовой пенкой и душистого деревенского хлеба с румяной корочкой наполнили комнаты дома. Позавтракав, я стал помогать матери по дому.

К полудню все хлопоты были завершены. Мать надела красное цветастое платье, шерстяную кофточку и плотно повязала голову шерстяным платком. Достала из шифоньера черные полуботинки с плетеными пряжками и примерила их. Постояв минутку у зеркала, надела тяжелые янтарные бусы. Взяла с кухонного стола покрытый белым полотенцем противень с брусничным пирогом, и мы пошли в гости к тёте Сане. Миновали мост через Тарбагатайку и свернули на улицу Ленина. Одетый в серый детский костюмчик, синие носки и красные сандалии, я важно нес узелок пирожков с черемухой. Тетя Саня стояла у чисто вымытого окна светелки. Увидев нас с матерью, она заулыбалась и вышла открывать крепкий запор высоких деревянных ворот. Мы вошли во двор и поднялись по мытым до желтого цвета ступенькам широкого крыльца. В просторной горнице сидели подруги моей матери, наряженные в семейские сарафаны. У всех женщин на голове были завязанные особым образом кички. Молодые незамужние девчонки на посиделки не пришли.

Дом-пятистенок, рубленный из толстого кругляка, блестел чистотой как снаружи, так и внутри. Я сразу же почувствовал горячее тепло трехведерного медного самовара. Начищенный до зеркального блеска, он стоял на самом важном месте, на толстом табурете из прочной лиственницы у русской печи. Тяга в самоварной трубе была хорошая. Жаркий огонь с гудением вылетал в круглое отверстие печной тяги, и вскоре самовар закипел. Минут через десять пламя затихло. Тетя Саня сбила водяным облаком жар прогоревших угольков и пригласила подруг за хлебосольный стол.

По старшинству и с особыми благопожеланиями женщины заняли места. Я как маленький гость сел рядом с матерью. Но сидя на окрашенной желтой лавке, я не видел самого главного: стопок нарезанных пирогов на белых тарелках, топленных жирных пенек, заваренной темно-глянцевой пастилки из черемуховой муки и ароматной халвы, поэтому я пересел на высокий, обитый железом, сундук. Тетя Саня застелила его новым тряпичным ковриком ручной работы. Сидел я высоко и с нескрываемым любопытством смотрел на гостей. Первым делом хлебосольная хозяйка стала разливать горячий чай. Носик самовара «прикипел». Со второй попытки она прочистила березовой веточкой канал.

Горячий кипяток забулькал в фарфоровые чашки. Чай пили из блюдца, вприкуску с сахаром и с пирогами. Все немного вспотели. Капельки пота бежали и по моим покрасневшим щекам. Затем тетя Саня предложила подругам спеть песню. Все женщины за столом стали поправлять кички и богатые россыпи янтарных бус.

Первая песня была «тяжелой». Чем-то она напоминала жалобу на горькую женскую долю. Так в деревне только в поминальные дни гласили. Тетя Саня была вдовой. Муж её пришел с войны и вскоре умер из-за незаживающих ран. Подруги вытерли горькие слезы и спрятали мокрые платочки в узкие рукава черных атласных кофточек. Я почувствовал, что песня не пелась, да и голоса женщин немного осипли. Тетя Саня достала из буфета темно-зеленый стеклянный флакончик и сказала:

– Девоньки, выпьем каплю для голоса!

Всем подругам она капнула чуть-чуть, по наперстку, и убрала флакон в буфет. Женщины выпили, порозовели и заулыбались. Сразу у всех окрепли голоса. Снова тетя Саня запела песню. Её голос зазвучал и медленно стал взлетать все выше и выше. И с каждым новым подъемом подруги подхватывали старинный мотив, и звонкие их голоса кружились, как горлицы вокруг звенящего голоса хозяйки. Песня, взлетев до наивысшего пика, приостановилась. Женщины набрали воздуха полные легкие и закончили песню в одной тональности. Снова певуны достали из узких рукавов платочки и вытерли капли росинки на кончиках носиков. Исполненная песня всем сидящим за столом понравилась.

Тетя Саня увлажнила из блюдца свое горлышко и, немного смущаясь, обратилась к подругам:

– Сшила новый наряд. Юбки бравые получились, с атласными лентами, да вот крепко повязала. Дышать не вольно. Немного послаблю и споем.

Новую песню запели легко. С каждым новым запевом голоса поющих сливались в веселое многоголосье девичьей песни, по кругу поднимались ввысь и кружили, как птицы в небе. Голос каждой певунии в свой черед взлетал на свою высоту полета и возвращался к подругам. В конце песни звонкие голоса слились в единый хор мотива. Незаметно девичий распев сменился тарбагатайской плясовой. Каблуки черных яловых женских сапог застучали о толстые плахи янтарно-желтого деревенского пола. Вскоре раздались звонкие переливы женских голосов, громкий стук деревянных ложек и нежный звон бубенцов. Я во все глаза смотрел на маминых подруг и не узнавал их. Помолодевшие, веселые, счастливые женщины радовались, как девчонки. Велика сила семейской плясовой!

Тетя Саня сняла со стены балалайку и тронула струны. Вмиг женщины перестроились на звонкий лад озорного инструмента и попарно пошли в припляс. И я впервые увидел, как вместе с певуньями заплясал на столе горячий самовар, фарфоровые чашки, блюдца и серебряные ложки. Тучный самовар попыхивал в такт пляса горячим паром и тонким дымком непогашенного уголька...

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЯ

Любовь матери ко мне, как к младшему сыну, я буду чувствовать всегда. Порой озорному Петьке она прощала многое: порванные штаны, рубашки, испачканное лицо и даже цыпки на руках.

Порой я по локоть мочил руки в деревенских лужах и забывал их мыть с земляничным мылом. Через пару дней у меня появлялись цыпки. Мать носила воду из колодца, срочно топила баню и звала сорванца с улицы.

Дома она ждала меня с братом Вовкой. Мать держала в руках вафельное полотенце, стопку детской одежды. Однажды, прибежав с улицы домой, я попал в цепкие руки мамы. Когда она достала из сундука не книжку Корнея Чуковского «Мойдодыр», а кусок... дегтярного мыла и строго посмотрела, сразу стало ясно, что меня ждёт жаркая баня.

– Петька, пошли цыпки сводить, я чистотел заварила.

– Жарко! Не пойду мыться в баню... – закапризничал я. – Опять горячий пар напустите и березовым веником напарите, а от мыльной пены у меня цыпки горят и глаза щиплет.

Взрослые растерялись. Я бросил на пол рогатку и попытался убежать на сеновал дяди Ераса. Вовка поймал меня на соседском заплоте и утащил мыть в баню. Там мать плеснула кипяток в каменку и хорошо пропарила мои цыпки. Семь раз отёрла мыльной мочалкой моё бронзовое тельце от макушки до пяток и смыла грязь прохладной водой.

Вовка взглянул и удивился, что мой летний загар мгновенно исчез. Живот побелел, но покраснели уши и щёки.

– Вот, теперь блестишь, как серебристый чебак, – сказал брат.

Наступило утро следующего дня. Я проснулся в чистой постели и посмотрел на руки. Цыпки после мытья с мылом в жаркой бане зата-

нулись. Мать обрадовалась зажившим ранкам, а я быстро позавтракал и снова побежал к... луже, пускать маленькие кораблики из сосновой коры.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Как-то к моей матери пришла в гости подруга. Она увидела цыпки на моих руках.

– Откуда ты взялся, проказник? – спросила тетя Аня. – Мамку не слушаешься, по лужам шастаешь.

Я спрятал за спиной руки и заявил:

– Из нашей больницы!

Женщина расхохоталась, а я сделал серьёзный вид.

– Мы с Сашкой Калашниковым видели, как там малышей в белых одеяльцах взрослым раздавали. А Витька Михеев сказал, что это роддом.

Тетя Аня посмеялась и притихла.

Наверное, я был прав. Вся наша детвора родилась в Тарбагатайской больнице. С мягкими бирками и пупками, крашенными медицинской зелёнкой, нас добрые акушерки бережно раздавали нашим родителям.

Мать рассказывала, что отец гордо принёс младшенького на руках, а дома развернул одеяло и быстро нашёл... главный аргумент малыша.

– Богатырь... – обрадовался он.

Мать заулыбалась и завернула меня в пелёнки.

Свой первый крик я, конечно, не помню. Но мать рассказывала, что громко заявил о своем рождении.

Медсестра, услышав младенческий рёв, подхватила малыша на руки. Сердобольная акушерка попыталась очистить стеклянной палочкой большой нос новорожденного. В этот момент я рефлекторно схватился за медицинский инструмент и вырвал из руки акушерки. Женщина опешила от прыти малыша и попыталась вернуть его. Но мать сказала, что я сжимал палочку крепкими пальчиками и долго не выпускал из правой ладони.

Что это было? Случайность или знак свыше? Я не знаю.

Всякий раз, как я беру в руки карандаш и сажусь о чём-то написать, вспоминаю рассказ матери о первой минуте своего рождения, о стеклянной палочке в моей руке, о моих родителях, о брате и сестрах, о первой учительнице и ребятах из нашего класса, о первой пятёрке по... рисованию и первом походе в тарбагатайский кинотеатр «Спутник».

ГУСИНОЕ ПЕРО

Писать или не писать?

Этот вопрос меня никогда не мучил. Я знал, что буду строчить всегда. Что это будет, поэзия или проза? – большой разницы для меня не было.

Когда всё это началось?

В детстве. Возможно, мне тогда было лет пять или шесть. Стояла теплая весна, кое-кто из соседей начал утром отпускать скот пастись на зеленые лужайки.

Однажды мы с ребятами решили сыграть в индейцев. Прибежали к Калашниковым на сеновал. Сена там почти не было, его скормили зимой коровам и баранам. Но на земле остался толстый слой сенной трухи, а это лакомое место для деревенских воробьев, голубей и кур.

Мы лихо перепрыгнули через прясла. Воробьи и голуби разлетелись в разные стороны, а недовольные наседки подняли куриный переполох. Петух и хохлатки нас не интересовали, а вот большим соблазном были их маховые перья. Они повсюду валялись в пустом сеновале. Ребята быстро собрали белые куриные перья, лихо воткнули в ребячьи чубы и поскакали на прутиках и палках на гумно. Мне досталось большое серое гусиное перо. Оно плохо держалось на макушке и всё падало на землю, а я его поднимал, бежал за ребятами и размахивал им как маленькой сабелькой. Мы разогнали соседских кур, домашних гусей, уток, но с баранами, козами, коровами и колхозным племенным быком побоялись воевать.

После удачного рейда по тылам пернатых прибежали на речку, подбросили вверх маленькие «сабельки» и закричали:

– Ур-а-а!

Куриные перья завертелись, как пропеллеры военных самолетов, и упали на землю, а мое гусиное перо вошло в штопор и воткнулось в мягкий речной песок. Видя, что оно не кружится в воздухе, я взял его в руки и начал рисовать на песке солнце, родительский дом, дым из

печной трубы. А потом писать разные знаки. Вначале крестики, нолики, потом хорошо известные мне буквы: «А», «В» и «Я». Потому что в азбуке рядом с первой буквой был всегда нарисован большой арбуз, с другой – гроздь зрелого винограда, а около последней – красное яблоко. Вспомнил слова: «МИР», «МАМА», «ПАПА», и... «ПЕТЯ».

Никого из ребят гусиное перо не заинтересовало, потому что оно не кружилось в воздухе и было пригодно только для рисования на песке.

– Подумаешь, какая невидаль, слова писать! – сказали ребята.

А я сидел и выводил пером все новые и новые слова и весь окружающий меня мир вмещался в эти несколько строк.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЛЕСОРУБЫ

Со стороны Омулёвки налетел прохладный ветерок. Сорвал с веток лепестки цветов. Белым снежным ковром покрыты берега Тарбагатайки. В быстром водовороте кружит дружный хоровод из лепестков душистой черёмухи и сибирской яблоньки.

Всё вокруг в молочном конфетти. Словно вновь наступила зима.

Вновь вспомнил Тарбагатайскую начальную школу, шумных ребят и девчонок. Урок родной речи и до глубины души знакомые слова крестьянского поэта Николая Некрасова:

Однажды в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз...

Мои земляки хорошо знают автора поэмы «Крестьянские дети» и легендарного стихотворения «Дедушка». Некрасов первым воспел мою родину:

Имя ей «Тарбагатай».

Прошло много лет. Но я не забыл ни друзей, ни соседей, ни родственников...

Вспоминаю наше детство, первые дни далекой зимы 1965 года.

В Тарбагатае выпал мокрый снег. Мужики обрадовались чернотропу. Вытащили из чуланов дробовики и пошли в лес промышлять русаков. На охоту меня никто не взял.

– Больно мал, зайца не догонишь, – пошутил дядя Ваня и убежал с двустволкой в ближайший распадок.

Помню, как и наш сосед запряг лошадь и поехал в лес готовить дрова.

– Дядя Ерас, дядя Ерас, возьми меня в лес... – бежал я за телегой.

– Иди домой, мамка заругает, – крикнул он и крепко стеганул вожжами лошадь.

А я бежал и бежал, пока... не утомилась лошадь. Бедный Карька долго терпел понукания возчика. Конь протрусил до околицы и перешёл на мерный ход.

«К чему кормильца маять и гнать из-за упрямого парнишки», – подумал дядя Ерас и остановил лошадь.

– Ладно. Садись на телегу.

Я заскочил на скрипучий возок. Резвый конь вновь тронулся с места, а сосед меня пристыдил:

– Ой, Петька, озорник ты. Родители узнают, что в лес ездили дрова готовить, заругают, как есть, заругают...

Промолчал, а сам смотрю на пудовые кулачища дяди Ераса и думаю: «Если буду взрослым помогать, стану сильным, как дядя Ерас...».

Проехали околицу и повернули в сторону леса. Карька резво тянул телегу по наезженной дороге. С обеих её сторон лежали покрытые снегом пашни.

Проехали «Печку», самое жаркое место в нашей деревне. Холодный ветерок стих. Щёки согрелись от теплых лучей солнца.

Острые на язык бабы с Шелухановки говорили, что здесь самый горячий солнцепёк.

Мне, маленькому Петьке, было не понятно, почему они рано утром дома печку топили, а не на солнцепёке блины пекли...

Карька преодолел подъём и затрусил в лес. Я крепче схватился за край телеги.

Дядя Ерас сразу оживился.

Смотрит на вековые сосны, крутит головой из стороны в сторону, ищет подходящее дерево.

– Петька, ищи сухостой. Найдёшь – полвоза чурок заработаешь, мамка сто блинов с топлёным маслом напечет, всю зиму будешь есть, – посулил он.

Я и рад стараться, кричу:

– Вон, на сопке сухая толстая лесина стоит!

Дядя Ерас остановил лошадь. Привязал вожжи, забрал из телеги острый топор, пилу-двуручку и говорит мне:

– Сиди, не убегай от коня, а я пойду, посмотрю лесину...

Добрый сосед ушел, скрипя хромовыми ичигами по хрустящему снегу. Почитай целых пять минут он карабкался на сопку.

Протаптывал дорожку. Неспешно, но верно подбирался к сухому дереву.

Наконец добрался до лиственницы. Дважды ударил обухом топора по стволу. Долгое эхо громким дуэтом улетело в чистое небо. Ло-

шадь испугалась резкого звука, дёрнула телегу. Я свалился в повозку и ухватился за вожжи...

– Т-п-р-у-у! – крикнул я и потянул поводья.

Карька присмирел. Дядя Ерас обошёл вокруг дерева.

– Хороша лесина, – скинул он меховые рукавицы и посмотрел на верхушку лиственницы, – и наклон подходящий, – перекрестился лесоруб три раза и крепко плюнул на мозолистые ладони.

Почти час вжикала и плакала пила в руках лесоруба. Но дядя Ерас упрямо пилил толстый ствол.

Наконец я услышал громкий треск медленно клонящегося дерева. Лесина... упала. Спильный хлыст закрутился штопором, обломал сухие сучья и гладко скатился в пологий овраг.

Снова Карька тронул телегу с места. Перешёл на опасный аллюр и... остановился. Я успел натянуть вожжи...

– Т-п-р-у-у-у, Карька, т-п-р-у-у-у! – крикнул с сопки хозяин лошади.

– Сто-я-я-ть! – вдруг прорезался у меня зрелый голос.

Дядя Ерас собрал инструменты и спустился вниз. Выдернул рулевой штырь из телеги. Повозка и задняя ось с колесами остались на месте. Конь с оглоблями и передней тягой на колёсах неохотно двинулся к спильной лиственнице.

Две недели дядя Ерас ездил трелевать лес. Меня на следующий день на улицу не пустили.

Родители отобрали шапку, валенки, шубу и спрятали в старый сундук.

Но мне запомнился первый день заготовки дров в лесу, тёмный зимний вечер и наше позднее возвращение в деревню. На ясном холодном небе сверкали звезды. Со стороны холма деревенского кладбища показался месяц. В окнах соседских домов горел свет. Из каждой трубы валил дым. Бабы топили русские печки. Варили и грели домашние щи и каши. Мы подъезжали к деревне. Бедный Карька устал, но упорно тащил толстый хлыст лесины. Вслед за лошадью шёл дядя Ерас с вожжами в руках, а в конце хлыста, за волочащейся по земле верхушкой, по снежной борозде, бежал маленький мальчик в чёрной кроличьей шубке...

Всю зиму крестьяне готовили дрова. Я пообещал матери не ездить с мужиками в лес. Мне вернули шапку, шубу и валенки. Целыми днями я играл с ребятами на улице, а вечером засыпал за кухонным столом.

Мать переживала: – Когда закончатся зимние морозы и наступит весна... – тяжело вздыхала она. – Летом Петьку дома не удержишь, убежит к лесорубам в лес ягоды собирать.

Я крепко спал на лавке. Добросердечная мама перенесла меня на кровать. Осторожно стянула одёжку и укрыла одеялом.

– Последнее лето сынок погуляет, осенью в школу пойдёт, – погасила она свет и вышла из спальни.

СЕРЁЖКИНЫ САНКИ

Наступил январь. Ударили первые рождественские морозы. В холодных сених в сосновом бочонке замерзла квашеная капуста. Тарбагатайку сковал толстый лёд. Ребята обрадовались крепкому ледоставу и дружно высыпали на зеркальную речку. Все дни напропалую катались мы с двоюродным братом Серёжкой Ефимовым на железных санях по льду Тарбагатайки. Но без пик, острых металлических прутьев, ездить было опасно. Можно не справиться с управлением и угодить прямо в прорубь. Мы с Серёжкой провалились в полынью. Наши валенки и штаны быстро намокли. Я почувствовал холод. Под тонким панцирем льда кипели студёные ключи. Ноги онемели, их свело судорогой. Витька Михеев и Васька Курдюков первыми бросились спасать провалившихся в реку товарищей.

– Держитесь, ребята! – прокричали они и выдернули нас из опасной полыньи.

Я оглянулся. Наши санки застряли в промоине. Вытащить их никто не осмелился. Лезть в холодную речку мы побоялись. Стояли на льду и смотрели в полынью. Вокруг нас растеклись две огромные лужи холодной воды. Валеная обувь крепко примёрзла ко льду. Наши сани медленно погрузились в омут и покатались по дну реки. Мы оторвали примёрзшие валенки и побежали по прозрачному льду. Но сани унесло на стремнину, и они быстро уплыли. Вскоре обледенели наши штаны и шубы. Мы расстроились и разошлись по домам. На холодном льду остались лиловые следы от мокрой обуви.

Прошло полгода. Наступило жаркое лето. Тарбагатайка обмелела. Где-то за мостом, на отмели, Серёга нашел наши санки. Принёс во двор и бросил на землю. Я увидел ржавый остов. Быстрая вода намочила и оторвала крепкие дощечки. Мокрый ил и песок разъели гладкие полозья. Кататься на таких санях было невозможно. Вместе с двоюродным братом мы вынесли железки на гумно и спрятали в крапиве. Осенью их нашли пионеры. С громким рёвом выдернули бесхозную вещь из

зарослей огненной травы. Принесли три килограмма ржавого железа во двор школы и сдали на металлолом. Зимой дядя Федор отковал нам новые санки. Наша семья переехала жить в город. Серёжка остался в деревне. Много зим он катался на санках со снежных горок, пока не вырос и не стал взрослым, и не спрятал их под крышей бани.

Прошло пятьдесят два года. Серёги нет...

Но я знаю, что наши санки лежат в пыли на чердаке бани, ждут новой зимы и первого снега.

МАСЛЕНИЦА

Закончились новогодние праздники. В Доме культуры отшумел Новогодний бал. Наступила долгая пора метелей и морозов.

Зима была долгой для взрослых, но короткой для нас, ребят. Внезапно наступила масленица, и вся деревня вышла её встречать с блинами и пирогами, булочками и тарками.

Минуток для забав у детворы на улице стало побольше, а снега на улице – поменьше. Он вдруг начал темнеть, а под лучами мартовского солнца и вовсе таять. Незаметно в свои права вступила весна.

Но первый переломный день в сражении зимы и весны наступил на масленицу. В этот день по деревне возили на санях большое соломенное чучело зимы. Наряженная деревенскими бабами в старую кофту и сарафан зима зло смотрела на нас, бегущих за санями ребят. Мы проводили зимушку до замёрзшего пруда в районном парке. Мужики поставили её на лед. Вместе с взрослыми дяденьками и тётеньками шумно водили вокруг ряженой зимы хоровод. Все ждали прощания с зимой, с её трескучими морозами и метелями.

Наступил решающий момент. Мужики дружно подожгли чучело. Соломенная зима вспыхнула жарким пламенем. В самый последний момент поклонилась в ноги людям. Словно попросила прощения за холода.

После соломенного костра начался праздник. На прозрачный лёд выскочили ряженные скоморохи, затренькали струнами балалайки. Румяные девки запели озорные куплеты и развеселили шумную толпу.

Начались праздничные забавы и игры. Кто-то лез по обледеневшему столбу за хромовыми сапогами, кто-то тягал двухпудовые гири, чтобы удивить народ богатырской силой и получить подарок – новый хомут для лошади, кто-то громко пел частушки под весёлую гармошку, а кто-то хвастался покупками: атласными лентами, сдобными баранками, сладкими леденцами и вкусными блинами.

Но самыми сладкими на масленицу были не блины и не баранки, а ириски Тарбагатайской кондитерской фабрики. До сих пор вспоминаю ирис «Кис-Кис» и «Тузик». Положив их впрок за пазуху, мы целый день ходили с ребятами по улице и нажёвывали эту сладость.

Мои друзья не замечали, как ириски медленно таяли на животе и скатывались вниз.

Много раз мы смеялись над кем-нибудь из ребят, вытаскивающих липкую конфету из... валенка.

ЛИСА И ЛЕДОХОД

После масленицы начинался великий пост. Сорок дней старики усердно возносили Богу молитвы покаяния.

Нам с ребятами каяться было не в чем. Бегали на речку и ждали начала ледохода.

Шли дни. Грело солнце. Белый снег на полях темнел и таял. С Омулёвой горы бежали мутные ручьи. На улицах стояла распутица. В огородах и садах растеклись талые лужи.

В день весеннего равноденствия вся деревня простилась с тёплыми чёсанками и валенками. Мужики переобулись в сапоги, а женщины в сапожки.

Помню, как родители купили мне кирзовые сапоги в универмаге «Сельпо». В первый же вечер отец подбил каблуки. Он крепко приколотил стальные подковки красными медными гвоздями. Начистил кирзачи чёрным кремом. Я мгновенно надел новую обувь и долго пританцовывал на кухне.

Ощущения свободы и лёгкости не покидали меня весь вечер. Я готов был лечь спать в новых сапогах. Бегать во сне по деревенским лужам, прыгать с крыльца, бродить по мелким канавам...

Наступила полночь. Вся деревня давно почивала. Я не спал. Сел на диван и заклевал носом. Отец тихо снял с меня новые сапоги, положил в кровать и укрыл пуховым одеялом.

Взошло солнце. Наступило утро.

Проснулся. Мать хлопотала у печи. Навернул пять румяных лепёшек с брусничным вареньем. Накинул ватную телогрейку, обул новые сапоги, схватил шапку и незаметно улизнул на улицу.

В саду Васьки Курдюкова шумели ребята, играли в «чижика». Водил Сашка Михеев. С крепкой палкой он стоял на «кону». Поднимал «чижика» из неглубокой канавы и прицельно бил по тонкой палочке.

Игра не ладилась.

Третий по счёту «чижик» треснул от сильного удара палкой. Ребята зашумели, начали спорить...

– Меняем «матку», теперь очередь Васьки вести игру! – закричали они.

Сашка сопротивлялся, стоял на «кону».

Началась борьба за лапту. Её перетягивали из одних рук в другие. Никто не желал отдавать победу. Палка, не выдержав ребячьего напора, хрустнула и сломалась.

А в это время на речке раздался треск льда. Крупные его куски оторвались от подтаявших берегов. Под напором вала талой воды они устремились вниз по течению. Все услышали страшный гул. Мутная вода покрылась густым движущимся льдом.

– Смотрите, смотрите, ледоход начался! – закричал кто-то из ребят. – Побежали к мосту.

Через пять минут мы примчались на место. У моста образовался ледяной затор. Шумная вода устремилась к пологим берегам, затопила огороды.

Мост не выдержал напора. Его сорвало с деревянных «быков» и понесло вниз. Мы испугались быстрого потопа и разбежались по домам...

Прошло два дня. Ребята снова пришли на речку. Ледоход закончился. Редкие крупные льдины плыли в холодной воде.

Первым увидел лисицу Витька Федотов.

– Ребята, ребята, смотрите, лиса на льдине плывёт!

Бурные весенние воды Тарбагатайки несли большую льдину, по краям которой бегала хитрая огнёвка. Пышный хвост Патрикеевны намок. Плыть в темной воде с мокрым шлейфом ей было опасно. Мы долго бежали вдоль ледяного края реки и кричали:

– Ату, ату!

Льдина всё дальше отдалялась от нас, медленно дрейфовала к другому берегу. Лиса уплыла. Где-то за селом она сошла на твёрдую землю и убежала в лес.

Прошло полгода. Наступила зима. Мужики ходили на охоту. Видели на снегу редкие следы от лисьего хвоста. Ставили в дремучем лесу петли и капканы, но плутовка в хитрые ловушки не попала.

Долго в нашей деревне говорили, кто поймает лису – будет богатым, а кто увидел ледоход – может загадывать любое желание, и оно сбудется.

ПАСХА

В деревне ждали окончания великого поста. Мужики заготовили дрова. Сложили ровные поленницы. Спрятали под навесы рабочие сани и кошевы. Выкатили брички, смазали колеса. Пошили новые сбруи, починили старые. Пропитали их берёзовым дегтем. Вместе с отцом и старшим братом Вовкой мы выполнили всю мужскую работу и во дворе, и в огороде. Папка отпустил меня гулять на улицу. Вышел за ворота, а там бабы друг перед дружкой хвастаются:

– Ноне-то пасха будет ранняя. И дома надо убраться. Побелить печку, стены и потолок, помыть полы. Да и снаружи необходимо навести марафет. Поскоблить и помыть стены, фронтоны, ставни и рамы...

Посудачили, посплетничали на лавках бабы и разбежались по домам сеять через сито муку, ставить тесто, гасить в бочках известь, топить бани, стирать в медных тазах полотенца, простыни, шторы, сарафаны и рубашки, заниматься домашними делами.

Но хмельную брагу за печкой бабы поставили загодя. Каждый вечер в бутыль сахарок подсыпали. Бродила брага сорок дней, считай, весь... великий пост.

Взрослые ждали первый день пасхи.

Да и нам, детям, она всегда в радость была пышными куличами и катаньем крашеных яиц с горки. Подростки, как могли, помогали взрослым по дому. Вот и родители мои тогда засуетились. Батька с вечера приготовил «кóзла» и доски. Принёс в баню воду, затопил на ночь каменку. Мать приготовила ведра, ковши, щётки и мочалки. Пришла домой и старших сестер озадачила:

– Покушаете и ложитесь спать. Сегодня дом побелили, убрались, завтра будем фронтоны, стены и окна мыть...

А потом посмотрела на меня и добавила:

– И ты, Петька, завтра играть не убегай, будешь взрослым помогать...

Как эта ночь прошла, мы не заметили. Сёстры проснулись рано. Умылись, заплели косы, позавтракали, повязали платки, надели те-

логрейки, обули полусапожки. Вышли с матерью на улицу мыть дом-пятистенки.

Отец принес «кóзла», положил плахи. Мать и сёстры забрались на крепкий настил скоблить трещинки в брёвнах, шоркать рогожками фронтоны, тереть мокрыми тряпками карнизы и ставни...

Пыль на брёвнах намокла, побежала разводами и ручьями по венцам, словно с лица трубочиста. Отец и старший брат в суматохе. То носят в вёдрах кипятки из бани, то ледяную воду из колодца.

– Сегодня стены помоем, а на Петра-ключника желтой охрой покрасим, – говорит мать дочерям, а сама смотрит на небо, беспокоится. – Лишь бы пыльной бури не было.

Отскоблили, отмыли мы всей семьей фасад. Дом засиял жёлтыми брёвнами, белыми ставнями, чистыми рамами, словно солнышком умытый.

Смотрю, даже кошка обрадовалась, прыгнула на подоконник. Греется в тёплых лучах. Рядом с Муркой зацвели в горшках красная герань и лиловые фиалки.

К обеду все дома на Партизанской улице наши соседи помыли. Заблестели, засияли круглые венцы и окна Чебуниных, Ефимовых, Трифоновых, Федотовых, Калашниковых, Власовых, Курдюковых, Минаевых, Михеевых, Думновых.

Наступил чистый четверг. В этот день я проснулся рано. Прибежал на кухню. Там хозяйничала мама. В кадке за печкой поднялось сдобное тесто. В пузатом чугушке лежали отборные куриные яйца и золотисто-красная шелуха от лука. Вскоре мать растопила русскую печь, принялась печь куличи и варить пасхальные яйца.

Прошло много лет, но я до сих пор вижу деревенские дома с вьющимся из труб дымком накануне пасхи и румяные куличи на богатых столах тарбагатайских хозяек.

РУССКАЯ ПЕЧКА

Прошла пасха. Наступили рабочие дни. Отец потерял покой. Пришёл рано с работы домой. Принёс из сарая старую дерматиновую сумку, испачканную в печной глине. Достал и разложил на верстаке молоток-кирочку, кельму, уровень, отвес, складной метр и правило. Как настоящий хирург, внимательно осмотрел и протёр инструменты печника. Всю последнюю неделю к отцу зачастили селяне с просьбами сложить новую печку или отремонтировать старую.

Без хорошей печки в деревне не обойтись.

Печка – душа деревенской избы.

Почти весь день тарбагатайская хозяйка проводит у домашнего очага. Рано утром растопит плиту, поджарит яичницу на сале, заварит чай, накормит мужа душистым хлебом. Отправит его на работу в поле или на ферму с узелком харчей, а сама – вновь к печи, готовить ребятишкам кашу с маслом, варить топлёное молоко с пенкой, ставить чугунок с крестьянскими щами. Поспеет тесто в квашне, она вновь сдобные калачи крутит-вертит, пышные ковриги подбивает и на деревянной лопатке в жаркую печку ставит. Нет тёплой и сытной жизни в деревенском доме без хорошей русской печки. Все пожелания хозяйки печник должен предусмотреть, чтобы печь не дымила, хорошо нагревалась, долго не остывала и понапрасну небо не коптила. Летом у печников наступала красная пора. Отец поздно приходил домой. Нередко с лицом, испачканным жирной глиной. Он счастливо улыбался и говорил:

– Новую печку сложил.

Больше пяти печек за лето отец не клал.

– Работать тяп-ляп не умею, – не один раз говорил он матери.

Помню, как-то с вечера к нам пришла тётя Нина Курдюкова. Соседка попила с матерью чай с пирогами, посмотрела на русскую печь и спросила обо всех её достоинствах.

– Бравая печка, ладная, – сказала мама, – с товарного кирпича сложена.

Тетя Нина оживилась:

– Мы старую печку разобрали. Решили с товарного кирпича сложить.

Мать одобрительно закивала головой:

– У бабушки Домны такая печка. Скоро старушке сто лет исполнится, а она до сих пор на ней косточки греет, – а потом добавила: – из недожженного кирпича и «железняка» мой Василий печки не кладёт.

Посидели женщины за чаем, поговорили, а на следующий день мой отец собрал инструменты и пошёл новую печку класть, а я ему в помощники навязался, лепить глиняных снеговиков.

Потрудились мы на славу. Отец за два дня печку сложил, а я десять глиняных фигурок слепил: двух лошадок, двух коровок, двух хрюшек, одного петушка и курицу, а ещё собаку и кошку. Потом отец дым пускал. Положил в топку сухую берёсту и запалил спичкой. Вместе с Васькой Курдюковым мы стояли на улице и смотрели на крышу дома.

Словно чёрный котёнок, дым выскочил из трубы, фыркнул яркими искрами и исчез на небе.

– Улетел дым, улетел! – закричали мы.

Батяка обрадовался:

– Ребята, несите осиновые дрова! – весело крикнул отец. – Тяга отличная. Помаленьку будем печку сушить и новую плиту прокалим.

Мы принесли семь поленьев. Отец затопил топку, приоткрыл дверку поддувала и отрегулировал задвижкой печную тягу. Через четверть часа кирпичи накалились, глиняная штукатурка равномерно высохла и затвердела. Хозяйка трижды побелила горячую печь, а потом убралась и накрыла на жаркой кухне богатый стол.

Угостила нас тетя Нина наваристым борщом и золотистой яичницей из двенадцати яиц. На дорожку дала крынку парного молока. Завернула в чистую тряпицу толстый шмат деревенского сала, достала из буфета прозрачный пузырек с кристальной жидкостью и положила в сумку отца.

– Спасибо за печку, – проводила она нас до ворот.

– Живите в тепле и сытно, – ответил отец.

– До свидания, Васька, – сказал я другу, и мы пошли домой.

– Петька, приходи завтра с ребятами играть! – крикнул он вдогонку.

Через полгода мы уехали жить в Улан-Удэ. Нередко к нам приезжали земляки. Отец всем помогал. Собирал инструменты и ехал в Тарбагатай класть новую печку.

Но печка тёти Нины Курдюковой мне памятна. Она была моя первая и последняя печка, сложенная с отцом в родной деревне. Лучше её я печек не видел. Жаркая, ровная, статная и белоснежная, как невеста в свадебном наряде.

ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На крутом склоне Омулёвки стоит памятник «Красным партизанам». Высокую стелу венчает пятиконечная звезда. Наша ребячья ватага ходила посмотреть на монумент. Девчонки нарвали полевых цветов и положили у каменного основания.

С южной стороны Тарбагатая возвышается песчаный холм деревенского кладбища. На нём наши ребята ни разу не были. Родители строго запрещали там гулять. Но однажды я не послушался моей мамы. То давнее событие наполнило мою детскую душу тоской.

Как-то рано утром кто-то постучал в наши ворота. Вся наша семья проснулась. На улице громко голосила пожилая женщина. Ни имени, ни фамилии я её не помню.

– Обманул, соколик, обманул меня, – горько плакала она, – под утро попить попросил. Пока я бегала на кухню за водой, он навеки заснул...

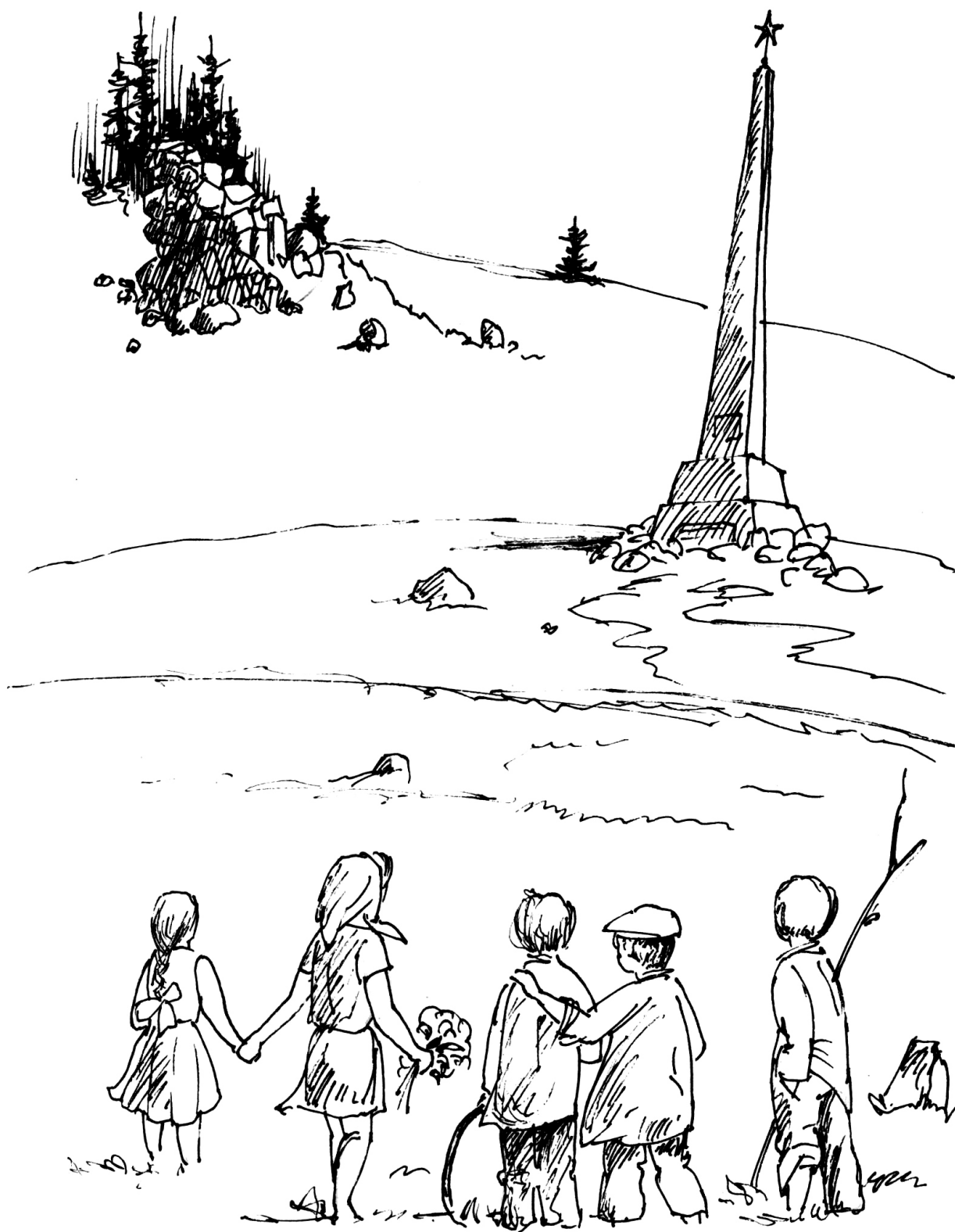
Мать быстро оделась, накинула на голову платок, открыла ворота и пригласила женщину в дом. Налила в стакан чая и предложила ей присесть на лавку. Старушка выпила пару глотков горячего напитка и немного успокоилась.

Разговор взрослых я не услышал, предрассветный сон сморил меня. Я крепко заснул и пробудился поздно. В доме никого не было. Отец трудился в мастерских, брат и сёстры учились в школе. Мать ушла помогать горем убитой старушке печь тарки в русской печи и золотистый хворост в чугушке с кипящим жиром.

Первую половину дня я провел один. Грустно смотрел из окна на улицу. После обеда пришли из школы сёстры. Сварили суп. Я покушал и убежал играть с ребятами.

Прошёл день. Солнце закатилось за Омулёвку. Мать вернулась домой поздно. Все помолчали и тихо легли спать.

– Спи, сынок, – сказал отец и погасил свет.

На второй день никого дома не было. Я весь день сидел на печке и листал букварь.

В день похорон я был вновь без пригляда. Мать закрыла меня спящего дома и ушла печь блины к поминальному столу.

В полдень на соседней улице заголосила вдова фронтовика. Я услышал горький плач. Открыл ставни и выбрался на улицу. Быстро забрался на крышу амбара.

На соседней улице, в Шелухановке, собрались люди. Мужики суетились у крыльца старого дома. Народ стоял у открытых ворот усадьбы.

В какой-то момент люди притихли. Из открытых дверей дома вынесли колоду. Я увидел ледяное лицо фронтовика и испугался. Глаза старика были закрыты. Он лежал и не шевелился.

«Наверное, крепко уснул», – подумал я.

Весь немалый путь от Шелухановки до кладбища деревенские мужики по очереди несли колоду на толстых жердях. За ними шли люди. Старики стояли у ворот с непокрытыми головами. Снимать кепку мне не пришлось, я забыл её дома.

Пришли на тарбагатайское кладбище – тихое прохладное место, последнее пристанище наших земляков. Там я увидел жуткую яму, а вокруг неё много народа и бородатого старика с дымящимся кадилом. Он прочёл молитву. Трижды обошёл колоду покойного и перекрестил его в последний путь.

Родственники простились с уснувшим стариком. Мужики закрыли крышку, опустили сруб в могилу. Закопали яму и поставили большой деревянный крест. Рядом я увидел родовые могилы Ефимовых, Медведевых, Калашниковых, Курдюковых...

Мне было шесть лет, читал я плохо, таблички на других крестах не рассмотрел, но услышал причитания вдовы:

– Ушёл, соколик, ушёл к тятё, к деду, к прадеду... – обнимала она свежий холмик.

Люди начали расходиться. Женщины раздали старушкам поминальные полотенца с деньгами и попросили молиться за душу покойного. Взрослые ушли поминать, а я убежал домой. Спрятался под одеялом и долго лежал с закрытыми глазами. Вид жуткой могилы забыл не сразу.

Наступил девятый день.

С утра всех ребятишек с Партизанской, Шелухановки и Слободы собрали в старом доме вдовы.

В зале был накрыт поминальный стол. На длинных сосновых лавках сидели мальчишки и девчонки с наших улиц. Взрослые не промолвили ни слова о смерти фронтовика. На стене висел его портрет, на комоде лежали боевые награды. В горнице, у подоконника, плакал его внук. Маленький Гришка нервно покусывал губы и тихо бубнил:

– Деда нет, деда нет...

Грустная вдова тяжело вздохнула и сказала:

– Покушай, Гриша. Попробуй пшеничку с медом, блинчики со сметаной, тарочки с черёмухой, пирожки с яйцом. Попей брусничный киселёк.

Посидели, помолчали, неохотно покушали, собрались уходить, а взрослые каждому ребенку на дорожку по медному пятаку и по варённому яйцу вручили. Шли мы с куриными яйцами в руках и не понимали, зачем их дали нам. За круглый пятак можно было в кинотеатр сходить или купить леденцы в магазине «Сельпо», а что делать с вареным яйцом – мы не знали.

Принесли домой. Наша бабушка Матрёна увидела варёные яйца, заставила нас очистить их от скорлупы и съесть. А сама перекрестилась у иконы и тихо произнесла:

– Пресвятая Мать-Богородица, пусть солнышко светит и род человеческий продолжается...

ПОХОД

В городской школе меня нередко называли деревенским. Не со злости, конечно, с ребятами у меня были хорошие и добрые отношения. Хотя первое время я был несколько замкнут и иногда сторонился шумных одноклассников. Вроде был таким же простым мальчиком: с серо-зелеными глазами, с волнистыми каштановыми волосами, с прямым слегка острым носом, но деревенское воспитание нет-нет да и давало о себе знать.

Жили мы в частном доме, у детского сада, в поселке мельничного комбината. Первое время отец работал слесарем на мясокомбинате, а потом весовым мастером в комбикормовом заводе. Мать хозяйничала по дому. Старшие брат и сестры учились в вузах, я – в городской школе, с младшей сестрой нянчилась мать. Все дети воспитывались дома.

Тогда я учился во втором классе. Закончилась последняя четверть. Антонина Николаевна, учительница нашего класса, поставила мне с натяжкой «тройку» по русскому языку. Я обрадовался «успешному» окончанию учебного года и размышлял о летнем отдыхе. Но прежде чем отпустить учеников школы на летние каникулы, учителя решили сводить нас в поход. Я радостный прибежал домой и рассказал матери о предстоящем мероприятии.

– Мама, мы завтра всем классом пойдем в поход. Учительница сказала взять продукты, надеть теплые носки и сапоги...

– Хорошо, Петя, я всё приготовлю. Ты покушай, погуляй на улице, а я полы помою...

Я лихо зашвырнул на высокий шифоньер изрядно потертый за год ранец. После удачного избавления от ненавистных книжек и тетрадок схватил ломоть белого хлеба, накинул выгоревшую на солнце ватную телогрейку и выбежал на улицу. Там я встретил Воробьева Сережку. Он в отцовской кепке, новом ватнике и сапогах с важным видом прошел мимо меня.

– Ты куда? – поинтересовался я.

Он остановился.

– Куда-куда, в магазин, – бросил он через плечо. – Мамка полтинник дала. Куплю напитков, мелкий частик, печенье и леденцы. Завтра наш класс идет в поход. Пошли в магазин.

Услышав такое, я притих. Больше десяти копеек мне в школу не давали. Я почувствовал, как мои пальцы, словно кошачьи лапы, шумно заскребли в карманах телогрейки. Левый был пуст, а в правом лежал белый голыш. Денег у меня не было. Серега быстро догадался о причине долгого молчания и сказал:

– Ну ладно, я пошел.

А я, от отчаянья полного безденежья, достал из кармана камешек, прищурил правый глаз, ловко метнул голыш и попал в висящий на столбе фонарь. Тарелка сорвалась с железного крюка и глухо упала на землю, словно цепная гиря на голову часового мастера.

– Мы тоже в поход идем! – крикнул я ему вдогонку и взял деревенский зачин:

«Ой, медведь ты мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку...»

Серега взглянул на качающиеся провода, как Бах на струны сломанного рояля, и ушел в магазин. Вслед за ним потянулась вереница городских ребят и девчонок с эмалированными бидонами и банками для молока, с продуктовыми сетками и холщовыми сумками.

Мои родители ходили в магазин редко. Мать выросла на Урале и воспитывалась в строгой семье, где её отец и дедушка были из поколения проповедников крепкой веры, в связи с чем она продолжала жить по-старому. Хотя наша семья была большая, семь человек, но мать всегда держала в запасе муку, крупу, сахар, молотую черемуху, варенье, кедровые орехи, подсолнечное масло, а также хозяйственное мыло, парафиновые свечи, соль и спички. Продукты в избытке хранились в ларях, эмалированных кастрюлях и оцинкованных бочках в казенке, а товары первой необходимости во флигеле. Хлеб, калачи, пироги и тарки мать пекла сама. Картошка, свекла, квашеная капуста, мясо, сало и лук не переводились круглый год. Былое строгое и прижимистое воспитание матери в семье моего деда давало о себе знать и в городе.

«Город не деревня, – говорила моя мать. – Запасов не имеет, живет одним днем.»

Клянчить у мамки мелочь, как городские дети, мне было стыдно. Как-никак, я ходил в школу и уже понимал, что содержать большую семью родителям было не просто. Лишних денег на детские капризы они не имели, а посему я до вечера играл с ребятами в ограде детского сада и был рад, что мне выпало свободное от домашних забот время. Поздно вечером я перелез через забор нашей ограды, незаметно вошел в дом и пробрался в свою спальню.

Прошла ночь. Рано утром проснулась мать. Взяла с плиты два чайника горячей воды и налила в умывальник. Вскоре пробудился отец, крепкий мужчина среднего возраста, человек спокойный и жизнелюбивый. Руки его были по-крестьянски большие, но добрые.

Батяка долго брился и умывался в прихожей, а мамка готовила кашу. Нежный аромат томящейся пшенки и сливочного масла щеко-тал нос. Но вставать было рано. Моя очередь мыться и одеваться наступала не после завтрака и ухода отца на работу, а старших сестер в институты. Вскоре сестры проснулись. Надели халаты, ушли на кухню. Мать прикрыла дверь моей спальни. Я лежал в темной комнате и слушал капризы девчонок:

– Ой, мама, вода горячая! Подлейте холодной, – упрямилась старшая сестра.

– Терпи, терпи... – подбадривала её мать. – Холодной водой чисто не умоешься.

– Ой! Гребешок волосы дергает, – мучилась у зеркала с начесом волос средняя сестра.

– Возьми расческу, – посоветовала ей мать.

Вся долгая девчачья гигиена закончилась жирными плевками сестер в черную тушь для ресниц и долгим вытягиванием и подводкой тонких бровей и длинных ресниц у трельяжа.

Я заметил, что буквально за пару лет жизни в городе резко изменился облик моих сестер. Из простых деревенских девчонок они превратились в городских цац. Быстро отрезали косы. Покрасили в черный цвет короткие волосы и начесали на голове охапки «вороньих

гнезд». Поменяли цветастые павлово-посадские платки и оренбургские пуховые шали на куцые береты. Теплые зимние пальто с лисьими воротниками – на тяжелые дубленки и холодную демисезонную заграничную одежду.

Наконец, сестры попили с пирогами чай и убежали на занятия в институты. Мать постояла у окна. Долгим взглядом проводила уходящих на остановку дочерей. Вскоре они сели в автобус и уехали в институты. Она заглянула в девчачью спальню. Поправила одеяло младшей сестры. Райка сладко спала. Затем мать вошла в мою комнату. Я давно бодрствовал.

– Расскажи, сынок, что приснилось?

– Да так, ничего...

– Вижу, давно проснулся, о походе думаешь, – прочла она мои мысли.

– О походе, – согласился я. – Мне еще надо сапоги почистить.

– Не волнуйся, они у печки стоят. Отец их помыл, посушил и кремом начистил. Блестят как новые. Можешь сегодня перед городскими девчонками жениться, – пошутила она.

Я застеснялся и спрятал голову под подушку, а мать сходу догадалась.

– Наверно отличница нравится, – быстро сообразила она.

Я испугался разоблачения и натянул на голову одеяло.

«И откуда она знает, что Танька отличница мне нравится, а не двоюродница Зойка...», – мучился я в догадках под душным одеялом.

– Вижу, Танька нравится, – догадалась о моих первых чувствах мать. – Ну, раз сегодня у вас поход, вставай, жених, мойся и кушай, – сказала она и вышла на кухню.

Я поднялся в хорошем настроении, натянул черные шерстяные штаны и красную фланелевую рубашку. Быстро прошел в прихожую и умылся остатками теплой воды. Посмотрел в зеркало. Лицо было чистое, мокрые волнистые волосы блестели, как шоколадная глазурь, глаза светились изумрудным светом. Я вытерся вафельным полотенцем и посмотрел в сад. На небе сияло майское солнышко. За окном стояла чудесная погода. На ветках ранетки набухли нежные кисти цветов и были готовы взорваться молочным цветом.

Мать стояла у окна и любовалась пробуждающимися красками природы.

– Весна, – сказала она.

– Ой, мне пора в поход собираться, – спохватился я.

– Петя, я все приготовила, – успокоила меня мама. – Сейчас ты поешь пшенную кашу, а я соберу еду и ты пойдешь в школу.

Мы прошли на кухню. На широком обеденном столе лежала походная еда: аккуратно упакованные в белый кулек пять крашеных пасхальных яиц, завернутые в вафельное полотенце куски рыбного пирога и румяные тарки, плотно закрытая чертежной калькой и крепко замотанная шпагатом небольшая банка черничного варенья и бутылка из-под шампанского с горячим чаем, крепко заткнутая мягкой пробкой. Рядом лежали солдатская кружка, ложка и складень.

Я посмотрел на продукты и сильно засмутился. Лицо моё покраснело.

«Рассказывать или не рассказывать?» – мучился я.

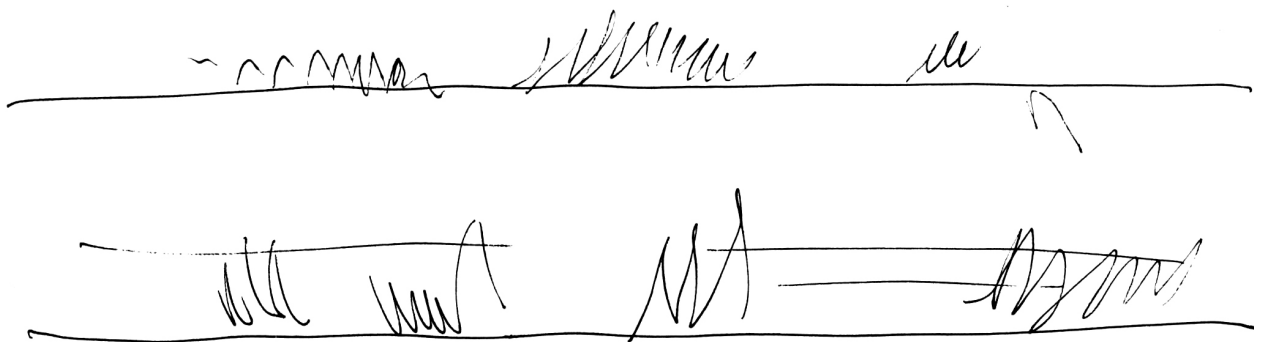
Мама достала из комода холщовую сумку. Она почувствовала моё беспокойство.

– Что-то, Петя, не так?

Я опустил глаза и как капризный мальчик распустил нюни:

– Городские будут смеяться над моей едой. Ребята купили напиток, мелкий частик, леденцы, пряники и сушки, девчонки – сгущенное молоко, мятную карамель, печенье и шоколадные конфеты, а у меня деревенская еда: крашеные куриные яйца, рыбный пирог, домашнее варенье и чай с молоком.

Мать тяжело вздохнула и пристально посмотрела в мои глаза: – Я положу в сумку еду, а ты сам решишь, что тебе делать, – брать или не брать её. Но без еды ты в поход не пойдешь... – недовольно сказала она и начала собирать домашний гостинец. Через пять минут я схватил холщовую сумку и убежал в школу. Скоро весь наш класс собрался в просторном кабинете. Все мои товарищи оставили без пригляда сумки с продуктами на подоконниках. Мальчишки бегали по коридору, дергали за косы девчонок. Те перешептывались с подругами и как глупые деревенские козы показывали им язык. Я спрятал сумку с продуктами в парту и, как примерный октябренок, сидел и смотрел

на Антонину Николаевну. С минуты на минуту кто-то из родителей обещал принести новое ведро для варки чая на привале, и мы должны были отправиться в поход.

– А ты, Петя, что не играешь? – спросила меня учительница.

– Да так, не знаю... – невпопад ответил я и крепко сжал сумку с продуктами.

Через пару минут пришел с ведром Мишкин отец. Он резко открыл дверь. Мощный поток ветра распахнул настежь плохо прикрытые рамы. Часть походных мешков и сумок упала на пол. Я увидел, как рассыпались бумажные кульки с конфетами и печеньем, раскатились стеклянные бутылки с газированной водой и рыбные консервы. Все бросились собирать купленную в магазине еду. Мне почему-то стало стыдно за свой домашний харч. Я расстроился и приуныл. Как мы дошли до леса, я не помню. На пригорке мои одноклассники развели костер и начали накрывать на поляне стол. Я постоял, посмотрел на городскую еду и решил кушать отдельно, помня, что мать всегда говорила: «С кусками хлеба по улице не бегай и чужих не объедай!».

В этом походе я сильно проголодался. Помыл в ручье руки. Где-то у края зеленого ельника притоптал прошлогоднюю траву. Расстелил мятую газету «Пионерская правда». Сверху бросил чистое полотенце, разложил домашнюю снедь и приступил к деревенской трапезе.

Иногда за густыми ветками ельника раздавались едкие смешки городских девчонок. А двоечница Зойка грызла сухой пряник и колко говорила:

– Петька деревенский, приехал в город из Тарбагатая, а там только домашние пироги кушают, в магазин за продуктами редко ходят и из одной посуды не едят...

Антонина Николаевна тихо шикнула на сплетницу и та быстро прикусила язык.

Пообедали, поиграли в мяч, а потом все сидели у костра, пели веселые песни и пили горячий чай с дымком. Вскоре солнце легло на верхушки зеленых сосен. Мы решили идти домой. Ребята собрали пустые консервные банки, бутылки и конфетные обертки. Сложили в пустые сумки и мешочки. Весь походный мусор они взяли с собой. Мне собирать было нечего. Я схватил свои вещи и первым рванул в поселок.

По дороге доел кусок рыбного пирога и допил холодный чай. Вечером учительница пришла к нам в дом и рассказала о моём поступке:

– Ваш мальчик замкнутый, избегает общения с учениками класса. Кушает один. Это нехорошо...

Мать тактично промолчала, а учительница ушла. Я сидел у темного окна и смотрел на серое небо. Мне было больно и совестно перед матерью, что я постыдился выложить на походный стол приготовленную её руками вкусную деревенскую еду, но одновременно и рад, что съел её один.

КОРОМЫСЛО

*«Снег кружится, снег ложится.
Снег, снег, снег.
Рады снегу звери, птицы
И, конечно, человек...»*

Милый стишок из букваря. Но как он мне... немил. Первый раз я забыл эти слова на Новогодней ёлке в Тарбагатае, когда читал наизусть стихотворение Деду Морозу. А когда мы уехали жить в Улан-Удэ, я знал, если снег кружится и ложится, то наступила зима и в пятницу или субботу будет большая стирка. С мая по октябрь стирать бельё в городе особого труда не составляло: в огороде работал летний водопровод. Носить в ведрах воду из городской водоколонки не было необходимости. Но с наступлением первых зимних холодов подача воды по трубам прекращалась. Приходил хромой и хмурый, как морской пират капитан Флинт, сантехник дядя Федя, залезал в центральный колодец и перекрывал воду чугунной задвижкой. Чтобы не разморозить трубы, отец сливал остатки воды на землю и оставлял кран открытым.

Всю зиму мы носили воду из городских водоколонок. Их было две. Первая располагалась близко, буквально в шестидесяти метрах от наших ворот, у поворота на главную дорогу. Но она редко работала. Зачастую какой-нибудь пьяный водитель делал резкий поворот и колесами задней оси напрочь сшибал чугунный гидрант. Вместе с соседями мы выбегали на улицу. Лихач быстро включал третью скорость и драпал с места аварии, а вокруг сломанной водоколонки разливалась огромная лужа, словно горькие слезы солдатских невест.

Приходил хмурый «Флинт» перекрывал газовым ключом гидрант и при этом приговаривал:

– Всё, конец котенку, всю зиму воды не будет, только летом отремонтируем. Носите воду с соседней улицы... – закрывал он тяжелый люк и уверенно хромал к винно-водочному магазину.

Через минуту приходил участковый и спрашивал у народа номер грузовой машины. Все возмущались... и расходились по домам топить печки. Номерной знак: три большие «двойки» и «кол» грузового КраЗа взрослые не помнили и мне такие оценки в школе не нравились.

Другая колонка работала исправно, но находилась далеко, почти в двухстах метрах от наших ворот. Поэтому наносить воды с дальней колонки на хорошую стирку было не просто.

Вы спросите, сколько же нужно воды на стирку белья большой семьи?

Я Вам отвечу: минимум пятьдесят ведер. Из них меньше половины на стирку, другая – на полоскание.

Всё бы ничего, но я быстро подрос и рано начал ходить по воду. Первыми у меня вытянулись ноги, стопы, руки, но особенно... нос. После седьмого класса я стал помогать батьке. Вёдер тридцать или сорок приносил он, а остальные были мои. Пока отец колол дрова для бани, я хватал пустые ведра и шел на соседнюю улицу.

Что значит сходить на соседнюю улицу, все городские мальчишки хорошо знают. Там днем – обидят, а вечером – побьют. Но никто никогда родителям не пожалуется. Разве что старшему брату. Но тогда мой старший брат Вовка был студентом Новосибирского государственного университета и жил прохладной жизнью, а жаловаться мне матери и сестрам было бы смешно и стыдно. Иногда я закусывал разбитую губу или долго мыл от крови распухший нос и молча нёс полные ведра домой. Правда, в те разы я расплескивал воду больше обычного. Сестры заглядывали через край и недоуменно спрашивали:

– А что так мало принес? Не доливаешь?

Я стыдился, ставил мокрые ведра на пол и убегал на улицу. Бродил по закоулкам и вспоминал деревню. Если в Тарбагатае ребята дрались до первой царапины, то в городе тебя били, пока ты не дашь хорошей затрецины в ответ.

Летело время, я рос. С каждой новой зимой всё уверенней шел за водой на соседнюю улицу. Все больше меня сторонилась городская шпана и почти не трогала. Кроме трех братьев, фамилию которых я не назову.

Если младшего я всегда бил, потому что он был слаб, то со средним я всегда проигрывал на кулачках – он был старше меня на один год и

сильней. А самый-самый старший всегда стоял в сторонке и посмеивался. Тот школу давно закончил, но почти нигде не работал.

И в тот раз меня батька попросил принести в баню воды. Он посмотрел на меня и сказал:

– Возьми, сынок, коромысло. На коромысле легче ведра носить.

Я заартачился. Носить мужикам воду на коромысле в Тарбагатае было зазорно. Все считали, что с коромыслом только деревенские бабы по воду ходят.

– Нет, папа, нет... – начал я отказываться.

Но отец настоял:

– Ну, ты попробуй...

Я с большим нежеланием согласился, но потом не пожалел, что прихватил старое коромысло.

У водоколонки, как обычно, меня ждали братья. Только в этот раз их было двое. Старшему, видимо, стало не интересно смотреть, как младшие ежедневно лупили меня.

Я подошел к гидранту, повесил на крючок ведро. Смотрю, как льется вода, а сам незаметно наблюдаю, кто первым нападет.

Ведро наполнилось до краев. Я отвлекся и снял его с крючка. В этот момент младший брат в два прыжка подбежал ко мне и пнул ведро. Оно упало, вода разлилась, а я, внутренне готовый к новой драке, пару раз ударил противника кулаком по хребтине и сшиб на землю. Только разобрался с младшим братом, как налетел средний. Он сильно толкнул в плечо и почти сбил меня с ног. Вставая с земли, я случайно нащупал... коромысло. Руки крепко сжали его. Помню, что есть мочи, размахнулся и огрел соперника по хребтине. Удар по спине был такой силы, что коромысло треснуло и сломалось. Обидчик взвыл, словно пойманный в холодных сенях с бараньим стегном вороватый пес. Он медленно осел на коленки, упал на мать-сыру землю и затих. Так в позе летящего ангела и остался лежать на снегу. Но младший, видя неладное, побежал за подмогой. Я изумился, что так быстро разогнул коромысло в обратную сторону. Бросил его на землю. Ведра домой принес в руках.

Батька перелил в кадушку воду и с подозреньем взглянул в мою сторону:

– А где коромысло?

Я испугался гнева отца и начал отпираться:

– Оно, папа, старое, сломалось, я его у водоколонки оставил...

Папка услышал невнятный ответ и удивился:

– Вот как! И как мы теперь будем воду носить?

– Ничего, ничего, я в руках принесу... – выбежал я за ворота с пустыми ведрами.

– Ты его принеси! – крикнул отец вдогонку. – Может, я его как-то скреплю!

Вскоре вернулся к водоколонке. Там стояли разъяренные братья. Они ждали меня и жаждали новой драки. Старший курил папиросу и нервничал.

– Пацан, иди сюда... – грубо сказал он.

Я поставил на снег пустые ведра и подошел.

Первое, что увидел на старшем брате, были новая черная телогрейка, шапка из кроличьего меха и синие наколки на костлявых пальцах. Старым кирзовым сапогом он напряженно копытил снег. Как загнанный в яму волчонок я внутренне ошкерился, а сам подумал: «Пусть бьют...».

Взрослый докурил папироску и бросил слюнявый окурочек в рыхлый снег.

– Ты кто такой и откуда взялся?

– Я Петька... – промямлил я и медленно попятился. – У меня тоже старший брат есть, и приехали мы из Тарбагатай...

– А где твой брат?

– В Новосибирске... – ответил я и застыл на месте.

Наступила напряженная пауза. Хотя средний брат стоял дубовым колом и не мог шевелить отбитыми лопатками, он с насмешкой посмотрел в мою сторону. Самый младший сжал кулаки и заскулил от бессилия. Но старший раздумал. Решил меня не бить.

– Живи, – высокомерно сказал он.

Я не поверил, но выдохнул горячий воздух и опустил сжатые в варежках кулаки.

– Всё?

– Всё... – повторил старший и ушел.

Вслед за ним с большой неохотой побрели средний и младший.

А я налил полные ведра, нес их домой и тихо плакал, словно сломалось не старое коромысло, а закончилось моё короткое детство. В глазах моих, как в сиреновом сумраке, брызнули и заслезились холодные звезды ночного неба. Мне хотелось бросить тяжелые ведра и уехать к бабушке Матрене в Тарбагатай.

Всю неделю мы носили ведра на руках. Вскоре батька наладил коромысло, сделал из толстой полосы металла накладку и крепко притянул к ней сломанные дужки болтами. Сломать такое коромысло было невозможно...

Прошло много лет, живу в городе. В кранах на кухне и в ванной много холодной и горячей воды. Но когда умываюсь теплой водой, каждый раз замечая, что непременно сутулюсь, словно вновь несу на тяжелом коромысле полные ведра.

СОДЕРЖАНИЕ

Тропинками детства	3
Расставание.....	8
Зимние забавы.....	10
Нечистая сила	13
Водяной.....	16
Леший.....	18
Домовой	20
Двор.....	22
Огород	24
Парник.....	26
Черёмуховый сад	28
Тарбагатайская черемуха.....	30
Облепиха	31
Семейские посиделки	33
Деревенская баня.....	37
Тайна рождения	39
Гусиное перо	42
Деревенские лесорубы	44
Серёжкины санки	48
Масленица	50
Лиса и ледоход.....	52
Пасха	54
Русская печка	57
Деревенское кладбище.....	61
Поход.....	65
Коромысло.....	73

Для младшего и среднего школьного возраста

Мананников Пётр Васильевич

ТРОПИНКАМИ ДЕТСТВА

рассказы

Редакторы:
*Б.Л. Аюшеев,
П.Б. Долсонова,
Н.Н. Ильина,
Б.О. Раднаев*

Художник *В.П. Перфильев*

Дизайн:
*Е.П. Мананникова,
Ч.Д. Лыгденов*

Верстка *И.К. Чебукова*

ISBN: 978-5-91407-133-9

9 785914 071339

Сдано на верстку 05.06.2015. Подписано в печать 17.06.2015.

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура ShoolBookC.

Усл. п.л. 9,3. Усл. кр.-отт. 10,23.

Тираж 250 экз. Заказ 15-130.

Отпечатано в ОАО «Республиканская типография»

г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.